

84(2Рос.Хаз)6-5

Т- 23

**Валентина
ТАТАРОВА**

Серебряные серьги

84(2Рос.Хак)6-5

Валентина ТАТАРОВА

Т-23

СЕРЕБРЯНЫЕ СЕРЬГИ

808513 К10

ГУК РХ "Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова"

Абакан
Хакасское книжное издательство
2008

УДК 82/821
ББК 84(2Рос-Хак)
Т 12

Татарова В.К.

**Т 12 Серебряные серьги. Стихи. – Абакан: Хакаское книжное
издательство. – 156 с.**

ISBN 978-5-7091-0386-3

В новую книгу В. Татаровой «Серебряные серьги» вошли стихи любовной и гражданской тематики. Лирическая героиня этих стихов тонко чувствует движения души и Природу, равнодушна к событиям своего времени – по своей пластичности и напевности многие стихи из этой книги уже стали песнями и романсами.

УДК 82/821
ББК 84(2Рос-Хак)

ISBN 978-5-7091-0386-3

© В.К. Татарова, автор, 2008
© РГУ «Хакаское книжное
издательство», 2008

ВЕХИ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА

Татарова Валентина Кирилловна – учитель, журналист, писатель, общественный деятель. Член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РХ. Родилась в селе Аршаново Алтайского района Хакасской автономной области в 1952 году в семье сельских учителей. Закончила филологический факультет Абаканского Государственного педагогического института.

Трудовая биография началась в 1970 г. с должности подчитчика и литсотрудника областной газеты «Ленин чолы». По окончании АГПИ 10 лет работала учителем в родном селе, затем редактором Хакасского радиовещания, зав. литературной частью Хакасского драматического театра, научным сотрудником Республиканского научно-методического Центра по народному творчеству, старшим преподавателем кафедры культурологии ХГУ (Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова), была лектором ХРИПКИПРО (Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников образования).

Началом творческой деятельности В. Татаровой стали публикации ранней поэзии в «Ленин чолы» и сценария к студенческому спектаклю по роману Н. Доможакова «В далёком аале». Сценарий был написан ею в творческом содружестве с автором романа в 1970 году, в том же году была осуществлена постановка спектакля режиссёром К.Р. Тодиковой на базе студенческой драматической студии. В творческой судьбе В. Татаровой в студенческие годы состоялось ещё одно событие: в сборнике молодых поэтов Хакасии «Часхы пүрлер» (Весенние листья) в 1974 году была издана её ранняя поэзия.

Но путь в большую литературу всегда пролегает через кропотливый труд и учёбу. Большой учёбой были для неё литературные дебаты с критическими разборами на институтском литобъединении им. Г. Суворова в АГПИ, а позже – на литобъединении «Тан Солбан» (Утренняя звезда) при Союзе писателей Хакасии. Школой обретения мастерства и профессиональной зрелости стали для неё зональный семинар молодых писателей Хакасии, Тувы и Алтая (г. Кызыл – 1983) и 8-ое Всесоюзное совещание молодых писателей при Союзе писателей СССР (г. Москва – 1984).

Становление В. Татаровой как профессионального писателя происходит в 1980-е годы: в ежегодном альманахе «Ах тасхыл» с 1983 по 1989 год изданы главы из повестей «Три тополя», «Белая Айра», «Крик тур-

пана», «Агафьин берег» и «На речке Иренек» (позже две последние повести по тематике и жанру были объединены в одну). А в 1986 году в сборнике молодых прозаиков Хакасии «Иртенгі тан» (Утренний ветерок) уже была полностью издана повесть «Белая Айра», получившая высокую оценку на московском форуме (Москва – 1984).

Время профессиональной писательской работы отмечено следующими вехами:

1991 год. В Хакасском книжном издательстве вышла книга прозы «Аат табызы» (Крик турпана) на хакасском языке.

1993 год. Там же издана книга прозы «Крик турпана» на русском языке.

1995 год. Там же вышла книга поэзии «Брусника на ладони» (на русском языке).

1996–1997 гг. В издательстве ХРИПКиПРО «Роса» издано 7 книг из научно-популярных серий «Золотая книга» и «Ритуально-обрядовые и календарные праздники хакасов», созданные по материалам научного труда Н.Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племён», 9-й том (С.-Петербург, 1907): «От тайии» (Поклонение Огню), «Алтын пічік» (Золотая книга), «Ызых Чир» (Священная земля), «Тус түзеені» (О чём говорят сны), «Той тойлааны» (Свадебный обряд), «Чыл Пазы» (Голова Года) и «Көмзің син?» (Кто ты есть?) – на хакасском и русском языках.

2003 год. В издательстве «Роса» выпущена книга «Ўзілбес тамыр үчүн» (Ради жизни вечной) – культурологический свод календарного цикла хакасских народных праздников (авторские исследования).

2004 год. В Хакасском книжном издательстве вышла книга «Хуртуях Тас – Мать матерей», созданная по мотивам фольклорного материала о Прародительнице хакасского народа (на хакасском и русском языках).

2006 год. В том же издательстве по заказу Министерства культуры РХ издана поэтическая этнология «Белая Волчица» (на русском языке).

2007 год. В том же издательстве по заказу мецената – большого ценителя культуры родной Хакасии С. Мишакова – вышло второе издание поэтической книги «Белая Волчица» (на русском языке).

Писательская судьба В. Татаровой отмечена многими книгами и общественной деятельностью. За широкую пропаганду катановского наследия, за возрождение хакасских народных праздников, родового движения и традиционной религии хакасов ей присвоено звание заслуженного работника культуры РХ.

МОЯ ЗВЕЗДА

Моя звезда! О, как до высоты
Твоей мне дотянуться,
С тобой чтоб говорить на «ты»?
Нельзя мне рабски гнуться

Пред тем, кто властью наделён,
Талантом обделённый,
Кто славой мыльной опьянён,
Собою восхвалённый!

Кто в кресле силится сидеть,
Чужое слово растоптавши,
Имеет право правом завладеть,
Права других поправши!

Кто ум растёр носком сапог,
Его увидев пред собою,
Кто сделал всё, чтоб он не мог
Идти своей тропкою.

Моя звезда! С тобою быть на «ты»
Имею ль Честь и Слово?
В мой звёздный час ты с высоты
Сойди судьёй суровым!

1998 г.

В МОЙ ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС

В мой звёздный час,
Быть может, я черпну в свои ладони
Текучих вод хрустальный звон.
Иль, может, в омуте бездонном
Тех глаз беду найду среди бурных волн.

В мой звёздный час,
Быть может, все слова мои, как кони,
Рассыпят звонкий цокот серебром.
Или зайдётся сердце в тихом стане,
Когда обмана грянет в небе гром.

В мой звёздный час,
Быть может, чашей золотой среди лилий,
Вдруг на заре раскрывшись, расцвету.
А может, я степной седой ковылью
В печали закачаюсь на ветру.

В мой звёздный час,
Быть может, широко раскину крылья,
Чтоб край родимый видеть с высоты.
А может, выпав снегом на тасхыл, я
Войду в мир первозданной чистоты.

1990 г.

В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

*Люди, пережившие клиническую смерть,
рассказывают о ярком свете в конце тоннеля.
Увидевши тот свет, они обретают Знание.
(из книги Раймонда Моуди «Жизнь после жизни»)*

Увидев свет в конце тоннеля,
Уж смерти лика не страшусь.
Не сел бы лайнер Знания на мели –
Отныне лишь того боюсь.

Тот яркий свет в конце тоннеля!
Чей час рожденья? И чья смерть?
Там в бликах света таят тени ль –
Иль ярких искр круговерть?

Я на краю великого столетья.
Чего я жду? Чего не жду?
Удара в скулы жёсткой плетью –
Иль места в сказочном саду?

А ветры, что неслись над веком,
Уснут рабами верными эпох.
Земным и смертным человеком
В тоннеле жизни мчусь. А бог

Моих счетов ведь не оплатит,
Шелков и золота не даст!
Меня за руку бог не схватит
И мзду за горечь не воздаст!

И не поможет мне в миг краха,
Его хоть криком позовёшь!
В Иисусе, в Кришне иль в Аллахе –
И в ком ещё сокрыта ложь?

Тот яркий свет в конце тоннеля!
То чьё начало? Чей конец?
То наяву ли? То во сне ли?
На плахе пыток чей венец?

У ног разбита чаша мира –
Осколки блекнут в свете дня!
Ступни поранив об кумиров,
Вернусь ли я, в себя придя?

И буду ль снова я собою,
Вернувшись ныне с той черты,
Где рок вершат с земной судьбою
Средь вечной сути суеты?

Во что теперь я буду верить,
Увидев в вечность свою дверь?
Как неземное мне измерить
Земною мерою теперь?

И как измерить слово старца
И лепет малого дитя?
И как теперь мне прикасаться
К незримой нити бытия?

Тот яркий свет в конце тоннеля!
Чей робкий шёпот? Чей же крик?
Грядущий век в холодном тленье
Упал снежком за воротник.

2000 г.

Эра добрых чудес
(для детей)

ТЕЛЁНОК – УТРО

Розовым нежно лизнул языком
Мои окна телёнок – весёлое утро.
Розовым ухом, стоящим торчком,
Шевельнул, за собою зовя меня будто.

Я выбегаю с крыльца босиком,
Чтоб в зелёном ведёрке июньского луга
Снова тумана парным молоком
Напоить моего красноухого друга

1969 г.

ЛОСЁНОК – МЕСЯЦ

Уж песцы – голубые сугробы
Облюбовали таёжный кедроч.
Юный месяц – лосёнок безрогий
В небе над ними дурачился вскачь.

От копыт его к звёздному устью
Млечная пыль поднималась, клубясь.
Старый кедр с отеческой грустью
Им любовался, в ночи серебрясь.

1970 г.

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ

Настанет время – и тогда
Сквозь световые километры
К чужим неведомым планетам
Помчатся космопоезда.

И в гулкой дали тех путей,
Среди космических просторов
Да будут силой и опорой
Сердца надёжные друзей!

И бархат звёздных голосов,
Дающих истинное знание,
Сквозь времена и расстоянья
Нам донесёт Вселенной зов.

Тогда, на клич тот отзовясь,
На межвселенческие съезды
Слетятся разумы из бездны,
Так недоступного сейчас.

Тогда умы всех тех планет,
Где жизнь ныне разнолика,
Пришлют Земле моей великий
Межгалактический привет!

1969 г.

ЭРА ДОБРЫХ ЧУДЕС

Говорят, изнасилось теперь уже чудо,
И ничем удивить невозможно народ.
Говорят, только в сказке живёт чудо-юдо,
И лишь в сказке в дорогу спешит мореход.

Но вчера на лугу подглядела я тихо,
Как кузнечик напился из капли росы.
Озорным он мальчишкой азартно и лихо
Засвистел, широко растопырив усы.

И тогда муравей, работяга наш вечный,
Испугавшись запала такой стрекотни,
Быстро спрятался в миг этой встречи
Под травинку, в её затаившись тени.

Это с нашею рядом земною эпохой
Свои тайны хранит эра добрых чудес!
Она божьей коровкой – малиновой крохой
Нас зовёт в изумрудно-загадочный лес.

И пока космонавты всерьёз примеряют
Млечный Пояс на китель серебряный свой,
Там из лона родимой земли прорастают
Шелковистые травы, красуясь собой.

И чтоб не изнашивалось то чудо, как платье,
В череде бесконечной земной суеты,
По поляне ромашек вы чаще гуляйте,
Чтоб ладонью касаться её чистоты.

И чтоб жаворонка с его трелью услышать,
Увидеть пчелу с золотистым брюшком.
Колокольчики синие вдруг там всколышет
Шаловливое лето земным ветерком.

И рассыплется золотом звёздная россыпь
На шатре, что укроет собой на ночь лес.
А на завтра опять серебристые росы
Нас эпохой одарят великих чудес!

И пока космонавты упрямо взлетают,
Чтобы жизнь другую открыть там вдали,
Пусть же здесь чудо вечное не умолкает
И журчит, как ручей, из родимой Земли!

1970 г.

ОТ ВЫСОТЫ ОДОХНУТЬ

В сумерках Небо уткнулось
В плечо голубому сугробу,
Лишь спина серебрилась его –
Это Млечный серебряный Путь.
Лёгкой рукой прикоснулась
Рябина к нему очень робко:
«О, великий мой друг! Не обидел
Случайно тебя кто-нибудь?»

Вновь свои синие плечи
Над миром расправило Небо,
Лишь спина серебрилась его –
Это Млечный серебряный Путь.
Облаком белым и вечным
Качнувши, ответило: «Мне бы
Полежать в этом пышном сугробе,
Чтоб от высоты отдохнуть!»

1971 г.

808513

КНЯГИНЯ

Берёза эта с золотою кроной
От дуновения качнулась ветерка.
Её, особу с княжеской короной,
Коснулась ветра шаловливого рука.

И хоть она княгиней величаво
И свысока на мир вокруг глядит,
Она сама, того не замечая,
В ответ на ласку тоже шелестит.

1972 г.

ХАР-ХАР, СНЕЖИНКА МОЯ

Хар-хар!, снежинка моя –
Серебристая звезда!
Из страны пришла какой,
Свою тайну нам открой!

В белом облаке таясь,
Я дождемкой пролилась!
Каплей – каплей я была!
Чистой речкою текла!

Вдоль зелёных берегов
Я бежала средь лугов!
Нежась в солнечных лучах,
Отдыхала в камышах!

Вдруг из северных земель
Прилетела к нам метель!
С этой вьюгой мы сплелись,
Льдинкой я взлетела ввысь!

Но в небесной той стране
Очень грустно было мне!
Я, снежинкою кружась,
Вновь с землею обнялась!

Чтобы много зимних дней
Долго нежиться на ней!
Чтоб под солнечным лучом,
Капель став, бежать ручьём!

Чтоб сестрёнок всех собрать,
Вольной речкою бежать!
За волной вздымать волну,
Принести земле весну!

* * *

Хар-хар, снежинка моя –
Серебристая звезда!
Возвратясь в родимый край,
Вновь лучами засверкай!

1970 г.

¹ Хар – снег по-хакасски.

СЕГОДНЯ СОЛНЦЕ

О, как сегодня солнце ярко светит –
А травы в крупной бисерной росе!
От солнца оробел осенний ветер,
Всю ночь качавший ветки на кусте.

И всё сияет золотом под солнцем –
Я улыбаюсь миру яркому всему!
И пусть за нашим низеньким оконцем
Берёзке ветер золотую вплёл кайму!

Пусть журавлями улетающее лето
Нам на прощанье с неба прокричит.
Пока ж сегодня солнце ярко светит –
И мир под ним, как золото, горит!

1975 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ах, этот чистый, этот белый,
Такой весёлый первый снег!
Но почему я так несмело
Раскрыла тюли на окне?

А за окном со светлой грустью
Парит над миром белый вальс –
Жемчужные рассыпав бусы,
Зима красуется, кружась.

Ах, этот лёгкий, этот новый,
Такой воздушный нежный снег!
Но что сулит, верша сугробы,
Сквозь зиму долгую он мне?

1969 г.

ВСЮ НОЧЬ ПИШУ

Всю ночь пишу
Под жёлтым абажуром
Настольной лампы,
Свет мне льющей до утра,
Пока мороз рисует
Свой узор ажурный
Бородкой на стекле,
Как кончиком пера.

Пока в строку вдохну
Я мысль вдохновенно
И замысел свершу
Исписанным листом,
Чтоб мысли той земной
Струющаяся вена
К утру вдруг замерла
Серебряным стихом.

1972 г.

РАССВЕТ АПРЕЛЯ

Гори, настольная, гори – гори!
А за окошком ночь апреля!
Загадочно грустят там фонари
В своих оранжевых сомбреро.

Но тает месяц в глубине небес
Живой серебряной ладьёю.
И той ладьи таинственный гребец
Плывёт за гаснущей звездою.

И на холсте небес уж синева
Ночь растворила всю до донца.
Там, поднимая к небу рукава,
Ночные фонари рисуют солнце.

Гашу настольную в лучах зари,
Ведь за окном рассвет апреля.
Весну приветствуют там фонари,
Склонив пред ней свои сомбреро!

1970 г.

РАССВЕТНЫЙ ГОРОД

Плывёт в рассвете синем город,
Плывёт в таинственной красе.
Плывёт, как лайнер синий в море,
Сверкая в утренней росе.

Зовёт вперёд его, едва алея,
Чуть розовеющий восток.
Плывут дома, плывут аллеи,
Плывёт раскрывшийся цветок.

И под цветущей яблонею белой
Два силуэта на корме.
То двое. Юные. Но смело
Плывут на синем корабле.

· 1969 г.

НАСТУПИЛА ВЕСНА

Тополиные ветви
Ожилились от сна.
В моём городе светлом
Наступила весна.

И с прозрачных сосулек,
Что на крышах висят,
Капли падают звонко
И ручьями звенят.

Воробьи уже в лужах
Искupаться спешат.
И на клювике травки
Паутинки дрожат.

В моём городе светлом
По ночам с ветерком
Тополиные почки
Всё шуршат под окном.

1969 г.

СНОВА ПУХ ТОПОЛИНЫЙ

Снова пух тополиный кружится
Так свободно и так легко.
И вон в ту небольшую лужицу
Добавляет своё молоко.

А в ветвях перезвон монистовый,
Так таинственно неземной,
Словно ветер совсем не листьями,
А чатханной звенит струной.

1969 г.

Я ЛИСТАЮ СЕГОДНЯ ВЕЧЕР

Я листаю сегодня вечер
Уж в десятый, наверно, раз.
Кто-то яркие звёзды-свечи
Зажигает в назначенный час.

А лукавый усатый месяц
На антенне уже сидит.
Он, усы свои книзу свеса,
Что-то тополю говорит.

Я влюблённо листаю вечер –
Словно так же всё и не так.
Видно, маг всех небесных свечек
Очень добрый большой чудак.

1969 г.

Монистовый Звон

Ранняя лирика

МОНИСТОВЫЙ ЗВОН

Хакасская девушка до свадьбы заплетала волосы во множество косичек. На концы их особым образом закреплялись монеты, называемые монистами.

При движении монисты звенели.

Ветер снова бессонною птицей
Мои окна когтями скоблит.
А мне что-то сегодня не спится,
И душа отчего-то болит.

Пред глазами, что гордо раскосы,
Раздвигаются вдруг потолки.
И загадочный слышится посвист –
Птичий посвист с лугов у реки.

И монисты звенят древним звоном
Снова с девичьей нежной спины,
Под родимым степным небосклоном
Множась звоном степной тишины.

Тот таинственный звон ли порою
В мир ушедший уводит меня,
Из курганов встают там герои,
Вновь кольчугами тихо звеня.

Там сверкают мечи и доспехи,
И там бубны тревожно гремят.
Там земли моей горькие вехи
Снова юртами смутно горят.

И когда наконец-то я сонно
Закрываю, уставши, глаза,
Невесомым монистовым звоном
Наполняются все небеса.

Снова ночь. Закрываю ресницы.
Дом усталый давно уже спит.
А мне снова сегодня не спится,
И душа отчего-то болит.

1971 г.

ОПЯТЬ ПРОБЕЖАЛИ ДОЖДИ

*Два чуда – эхо и радугу невозможно
потрогать, лишь можно услышать и увидеть*

Вот опять пробежали дожди по лугам
Табуном ли коней шаловливых.
Невесомо приникли к речным берегам
Их прозрачно плывущие гривы.

В молодом нетерпении ржание их
Громом гулким зазывно гремело.
Эхо в елях, дождями приглаженных,
Кобылицей ответило смело.

Одарили тогда семицветной дугой
Те небесные кони земную княгиню.
И она поднялась над её головой,
Опоясав собой всю долину.

Поднялась та дуга высоко над землёй
В небеса, голубевшие чисто.
И ресницы той радуги зыбкой игрой
Засияли над миром лучисто.

1971 г.

ОТЧЕГО ПЛАЧЕТ ГРУСТЬ

Те ладони уверенно, медленно
На девичьи плечи легли.
А на кедрах ещё не изведена
Янтарная накипь смолы.

Но дрожали хвоинки кедровые
Совсем не от грозных дождей.
На ресницах твоих, чернобровая,
Слезинки ли тех янтарей?

1971 г

МНЕ НЕ БЫТЬ

Мне не быть уж любимой тобою –
Любимой твоею женой.
Отдаю своё счастье без боя,
Отдаю с тихой грустью и болью –
С тобой расстанюсь, дорогой.

Я с тобой расстанюсь в день осенний –
Он листья дождём уж примял.
Индевеют утрами уж сени,
И короче под солнцем все тени –
А ты главного не сказал.

А плакать не буду я! Нет!
Хоть надежда до донца растает!
Хоть солнцем пронизанный свет
Будет остро в глаза мои бить –
И глазам от него больно станет!

Что плакать? Дождинок накрап
Скоро сменится белой порошей.
И я у любви той не раб!
В тайный ларчик её, чтоб забыть.
Положу я серебряной брошью.

1971 г.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Осенний дождь вдруг рухнет ливнем –
Застыну молча я у мокрого стекла.
Чернея, локоть ветки сиротливым
Углом обвиснет птичьего крыла.

И мне уж не взлететь легко, как прежде,
И плеч озябших дрожи не унять.
Коль тучи не разгонит ветер свежий,
В полёт тяжелых крыльев не поднять.

Как прежде, ныне мне в высоком небе,
Раскинув крылья, вольно не парить!
Когда же грянет ветер свежий, мне бы
Вдохнуть его всей грудью и ожить!

Ведь только он весной несёт с собою
Цветов чуть уловимый аромат,
Чтоб он с травой душистой луговой
Был зовом к жизни, вечен и крылат.

1971 г.

СУДЬБЕ НАВСТРЕЧУ

Ты шёл ко мне, едва ходить умея,
Держась за палец маминой руки.
Ты шёл ко мне, день ото дня смелея,
Дойдя с порога юрты до реки.

Ты шёл ко мне, когда весёлым ветром
Тебя в большую жизнь унесло.
Но самолёт твой много километров
Летел ко мне, неся твоё тепло.

Ты шёл ко мне тропею незнакомой,
Когда спешил, волнуясь, ты к другой.
Прощаясь с ней под гул аэродромный,
Ты обо мне терял души покой.

Ты шёл ко мне, когда, стряхнув с дороги
Всю пыль с себя, вернулся в отчий дом,
Когда забыл чужие все пороги,
Любуясь материнским очагом.

Ты шёл ко мне, изведав боль потери,
Узнавши скрип земных всех колесниц.
Когда открыл ты робко мои двери,
Вспорхнули все сомнения с ресниц.

Ведь ты пришёл ко мне и мной отмечен,
Ведомый мною в таинстве строки.
Уж сын пошёл к своей Судьбе навстречу,
Держась за палец папиной руки.

1976 г.

ВОТ СЫН УСНУЛ

Вот сын уснул в своей кровати,
Свои ручонки разбросав.
Во сне посапывает сладко,
За день от игр всех устав.

А я смотрю, как у сынишки
Улыбка бродит по губам.
Как на отца похож мальчишка –
На зависть будущим отцам.

И нежно я смотрю на сына,
Как улыбается во сне.
По тихим улицам машины
Уже крадутся в тишине.

1974 г.

СПИТ МАЛЬЧИК МОЙ

Спит мальчик мой в уютной колыбели –
Летит Вселенная сквозь гулкие века.
И лунный свет сквозь тюль струится белый,
И нить серебряного кружева тонка.

Спит мальчик мой в уютной колыбели –
Плывёт незримо Время птицей в небесах.
И лунный свет сквозь тюль струится белый,
Клубясь земной судьбою в наших снах.

1974 г.

ДВА ВРЕМЕНИ СУДЬБЫ

Ручонки тянет маленький мой сын,
И я беру его на руки, обнимая.
И он счастливо шепчет: «Мама!» –
Всесильный надо мною властелин.

1975 г.

В палате стены белые. Мой сын
Из забытья меня встречает: «Мама!»
Берёт меня за руки, обнимая –
Всесильный надо мною властелин.

1998 г.

ОТЧЕГО-ТО ПРИСНИЛСЯ

Отчего-то сегодня приснился он снова –
В моей юности светлой оставшийся друг.
Он мне просто приснился – ни жеста, ни слова –
Так холодной зимой снится летний нам луг.

И теперь не могу, не могу шевельнуться –
Что-то сладкое, грустное – я не пойму.
Упрекнуть бы себя и к стене повернуться,
Или лучше я сына сейчас обниму.

Только я улыбаюсь от грусти той сонно –
И как будто бы звёзды звенят в тишине.
Невесомым и хрупким, как сон, этим звоном
Всё звенит и звенит эта память во мне.

1975 г.

ПРОСТИ МЕНЯ

На крыше снег, как седина!
Прости меня, моя старушка!
Теперь я редко голодна
На запах моха той избушки.

Я от неё теперь уж далека,
Живу я в городской квартире.
И жизнь идёт, как у стрелка,
Лишь иногда стреляющего в тире.

А жизнь идёт. Другие дни.
Но сквозь чаи и стоптанные тапки
Глаза родной избушки, как огни,
На будни звёздочками капнут.

И долго светят мне они, даря
Тепло, что от лучей их льётся.
И мысль, словно в роднике струя,
В душе вдруг трепетно забьётся.

Тогда я, будней всех прорвав кольцо,
Вновь обрету к высотам новым силу.
Я одолею их, как то крыльцо,
Что в детстве мне высоким было.

О, как же я сегодня голодна
На запах моха той избушки!
У ней на крыше снег, как седина!
Прости меня, моя старушка!

1972 г.

МАМЕ

О, милая мама! О, если б ты знала
Все тайные мысли – тревоги мои,
К груди меня нежно тогда бы прижала,
Согрела теплом материнской любви.

По прядям коротким погладила б молча,
Участливо-грустно тихонько вздохнув.
Одеялом меня ты укрыла бы к ночи,
Глаза чтоб закрыла, спокойно уснув.

И я бы уснула, забыв все тревоги,
И звёзды сияли бы мне с высоты.
На кладбище том, что у самой дороги,
Вот только чернеют под ветром кресты.

И вороны кружат над ними, чернея,
Чернеет над ними осенняя ночь.
К груди нежно-нежно, от счастья немея,
Сегодня прижму черноглазую дочь!

1977 г.

МОЯ КРОВИНКА – ДОЧЕНЬКА МОЯ

Моя кровинка – доченька моя
Сегодня совершила первый шаг!
От детского узорного стула
Она ко мне шагнула просто так!

Ручонки смуглые едва-едва
Дрожали, дотянувшись до моей.
И в грудь мою уткнулась голова
С волной младенческих кудрей.

По-детски шейка пахла молочком,
Но клич победы с губ её слетел.
И с первым шагом тем она молчком
Шагнула в мир житейских своих дел.

Теперь шагнуть ей завтра предстоит
Самой за невысокий наш порог,
С которого теперь начнётся нить
Тропинок малых и больших дорог.

Но чтобы нить серебряная та
Не прервалась, зовясь её судьбой,
Но чтоб отныне крепким был всегда
На тех дорогах шаг её любой,

Сегодня материнскою рукой
Младенческие пути режу я.
И чтобы нить та стала золотой –
О том несмело ныне грежу я!

Моя кровинка – доченька моя,
Отныне ты свободна от всех пут!
Всем сердцем материнским ныне я
Тебя благословляю в добрый путь!

Благословляю, чтоб тебе в пути
На доброту людей всегда везло,
Чтоб удавалось всё же обойти
И дождь, и слякоть, и земное зло!

Чтобы тебе, идущей, было суждено
Победу за победой совершать!
И чтоб с грядущим днём было дано
Сполна величье жизни ощущать!

Душою всей прошу лишь об одном –
Та золотая нить твоих дорог
Тебя чтоб возвращала в отчий дом,
В котором ты шагнула за порог.

1978 г.

ОДНАЖДЫ ВДРУГ

О, неужель прервётся наша жизнь –
Уйдём внезапно, даже не состарясь?!
Зловещий в бомбу вложен механизм –
Так сколько жить нам всем осталось?

Ведь если миг наступит роковой
И полыхнёт чудовищное пламя,
Я не успею даже заслонить собой
Дитя своё, что крикнет: «Мама!»

Я дочь свою для жизни родила
В великих материнских муках!
Но целится зловещая стрела
Уже не в нас, а в наших внуков!

Кто ныне скажет всё же, где ещё
Есть жизнь на этом белом свете?
И где живая клетка бьётся горячо –
В каких мирах, галактике, планете?

И где ещё журчат живые родники,
Живые листья на ветру трепещут?
Но, ощерясь боеголовками, штыки
Смертельной сталью тускло блещут!

И коль нажать на кнопку— всё вокруг,
На мириады звёзд одно живое —
В короткий миг тот станет вдруг
В одно мгновение мёртвое, немое!

И пеплом став, став кучею золы,
Летать в безмолвии всё это станет —
Обломки все моей родной Земли
И слитки гор, и сгустки океанов!

О, неужель прервётся наша жизнь —
Уйдём внезапно, даже не состарясь?!
Зловещий в бомбу вложен механизм —
Так сколько жить нам всем осталось?

1978 г.

ПОРА ПРИШЛА

Сердечный пыл расходую куда?
Пора пришла о том мне думать,
Что пылкость сердца сердце губит,
Оно сгорает в том пылу дотла.

Сердечный пыл расходую куда?
На вечер сказок с колыбельной,
И на экзамен в срок недельный,
На плюсы-минусы сердечного суда.

Сердечный пыл расходую куда?
На класс, где суффиксы и иксы,
И на ручной любимый миксер,
Взбивая крем для лучшего торта.

Сердечный пыл расходую куда?
На те дороги, ставшие длиннее,
На те беседы, ставшие мудрее,
На всё вперёд бегущие года.

Сердечный пыл всё лью в стихи,
Меня в ночи лишившие покоя.
Они ушами прядают, как кони,
В предчувствии забега всей строки.

И всё ж порой я на родных гляжу,
И на друзей, и на своё потомство –
Откуда может грянуть вероломство.
Которое однажды не прощу?

Тогда вот горестный мой вздох
Вдруг слепо вырвется из сердца –
В него, занять чтоб прочно место,
Печаль и грусть шагнут через порог!

И всё ж живу, сердечный весь огонь
Даруя миру этому до донца.
Держу я настежь сердце, как оконце,
Раскрывши створкою ладонь,

Ему чтоб ветер свежесть приносил,
В нём затхлости не давши места.
Каган Небес величественным жестом
Его чтоб жизнью долгой одарил.

И солнцу радуясь, восторга не тая,
Живу я, день улыбкою встречая.
И всё же знаю, гладь блестит речная,
В глуби коварный омут затая.

Когда же, опрокинув меня ниц,
Всё ж грянет час мой, ночи полон,
Замрёт вдали последней точкой ворон,
Растаяв в зыбкой пелене ресниц.

Так пусть расходую я сердце всласть –
Ведь, жизни радуясь, дано и плакать,
Чтоб эта страстно-трепетная накипь
Строкою чистой завтра пролилась!

1984 г.

О РОДИНЕ МАЛОЙ МОЕЙ

О, что в этой жизни моей ныне главное?
Главное – бьётся оно неустанно в груди.
И где-то в родимом зелёном Аршаново
Также живут все друзья дорогие мои.

Когда меж собой не спеша они встретятся,
И обо мне пусть же вспомнят тепло.
Их смех и улыбки в душе моей светятся,
Сердце мне грея земным неудачам назло.

Назло запыхавшимся дням, неурядицам,
Стоптанным тапкам, всем долгим долгам,
Мучительным главам, в которых не ладится,
И недописанным ночью короткой стихам!

О, в нынешней жизни, устроенной заново,
Что же меня ожидает теперь впереди?
Вернуться бы вновь в дорогое Аршаново,
Где все тропинки обеганы мной позади!

С друзьями бежали мы теми тропинками –
В жизнь же каждый ушёл лишь своею тропой.
Хотя все давно мы теперь уж с сединками –
Все до сих пор дорожим той одною судьбой.

В судьбе той мы вновь под родными берёзами,
Вновь их серёжками хрупкими ветры шумят.
Доносят жарки в ней с весенними грозами
Нам с заповедных лугов тонкий свой аромат.

Зовёт за грибами в ней лес за протокою –
Там августовские грузди у яра белей.
Горят в ней костры под луною высокою –
Тайной окутаны ноздри горячих коней.

И тайна та нами ещё не разгадана –
Тайна родимой земли, что нам всем дорога.
Она среди дня вдруг неожиданно-негаданно
Паводком грусти теснит наших душ берега.

О, это ли в жизни моей ныне главное –
Строки о родине малой сумевши слагать,
Большой моей родины всей имя славное
В песнях своих мне дано прославлять!

1985 г.

*Розовые
дикие косули*

В ДОРОГЕ НА ПАРНАС

Я в этот мир пришла. И криком
Я миру сообщила, что я есть.
Моя семья в терпении великом
Чредою лет несла свой крест.

То я, упав в крапиву, плачу –
То посажу себе на лбу синяк.
То с кем-то подерусь – иначе
Играть мне скучно просто так.

То я на дереве высоком –
Забраться просто, а слезать?
То мяч летит в чужие окна –
Кому за это отвечать?

Моих родных родные лица
В недоумении – напасть!
Вот как могла ногою в спицы
Велосипедные попасть?

Сердит мой брат и ждёт ответа –
Так что за бой за школой был?
Обидчикам достанется за это –
Сестрёнку очень он любил!

И снова мы пойдём по лугу с братом –
До мамы нашей нам рукой подать.
На кладбище нам будет страшновато –
Во всём сознавшись, всё сказать.

Нас наша мама выслушает грустно
И молча за все шалости простит.
Сосед-чабан в телеге нас попутно
Опять домой в деревню возвратит.

А я в тот день просить всё буду брата,
Чтоб рассказал о маме он опять.
И мне сегодня снова страшно вато –
Ушёл вдруг к маме без возврата брат.

А я осталась, чтобы жить иначе –
Теперь нельзя мне праздно жить.
Какой ценой мой день оплачен –
Того уж мне отныне не забыть.

И не забыть отца, что был нам мамой,
Пока однажды не ушёл он к ней.
Теперь вот разговаривает с нами
Он, глядя из-под мраморных бровей.

О, как вы нежно все меня любили!
А я осталась жить теперь за вас.
Любовью вашей, жизнью и силой
Сильнее трижды я в дороге на Парнас!

2001 г.

БРОСАЛИ ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Брату Юрию

Бросали молча горсть земли,
Гребли лопатой гравий с глиной.
Тот день доныне длится длинный,
Хотя давно снега могилу замели.

А я всё вижу – в дымке лес,
В июньский день к реке бежим мы.
Поём, дурачась, и кричим мы,
И мир весь полон солнца и чудес!

Вдова рыдала. Старший сын
Всем младшим молча вытер слёзы.
Крик обронил на жёлтые берёзы
В осеннем небе журавлиный клин.

А я всё вижу – вот разбег
Берём на льду, сверкнув коньками!
С катка гурьбой несясь с друзьями,
Со смехом валимся мы в снег.

Огонь в костре прощальном тлел,
Твой блин в огне свернулся – чёрен.
И каркнул кладбищенский ворон,
Что им он поживиться не успел.

А я всё вижу – хлеб печём,
Листы мы с тестом в печь сажаем.
И каждый лист мы поднимаем
Лопатой хлебною вдвоём.

Качнули в небе сером облака
Тебе в последний раз плечами.
Когда по крышке гроба застучали,
Прикрыла сердце папина рука.

А я всё вижу – вот с руки
Горбушкой хлеба Маю кормим.
Потом в две пары рук её мы доим,
Пригнав с лугов возле реки.

В глазах моих двоился свет –
Твоя то половина меркла, угасая.
В осеннем небе плыли, тихо тая,
Твои года на крыльях твоих лет.

А я всё вижу – белый груздь
Под твой восторг ножом срезаю.
Теперь я горсть земли тебе бросаю –
Вошла с ней в сердце моё грусть!

И горе то, что не имеет дна,
Имея только круг земной печали!
О, как в тот день во мне кричала,
Тобой навеки ставши, тишина!

А я всё вижу – в школу нам пора!
И мы бежим вприпрыжку по дороге...
Чтоб ты согрелся, там продрогнув,
Я чаем напою тебя с костра!..

1989 г

НАД ГОРАМИ ИЗЫХСКИМИ СНОВА РАССВЕТ

Над горами Изыхскими снова рассвет –
Снова солнце, как в детстве моём, золотое.
А мне будто бы снова немного так лет –
И бежим мы к реке босоногой толпою.

Мы бежим по лужайке июньских жарков –
По родимым лугам с изумрудной травой.
Катит воды река среди крутых берегов –
Мы ныряем в неё босоногой толпою.

Бирюзовые брызги летят над рекой –
И десятками радуг блистают собою.
Мы до неба все тянемся мокрой рукой –
Ловим радуги всей босоногой толпою!

Над горами Изыхскими снова рассвет –
Снова небо, как в детстве моём, голубое!
Мы сидим у реки, у реки наших лет –
Почему же грустим седовласой толпою?

2005 г.

СЛОВА

Откуда-то тихо на волю родятся слова –
Словно в клетке души моей стало им тесно.
А на волю родившись, слагаются в песню –
Слагается в луг так, проросши, трава.

Никто их не сеял на грядках земли –
Вольный ветер развеял земное их семя,
Тёплый дождь окропил их в весеннее время –
И эти слова из родимой земли проросли.

Под солнечным им материнским крылом –
Им под отчим высоким небесным простором,
Суждено ли взрасти, зеленеть чтобы вскоре –
И стать разнотравья душистым ковром?

Дано ль им, вскормлённым земным молоком –
И напоенным чистою влагой небесной,
На ветрах гребнем волн, изумрудною песней –
Высоких всех слов колыхаться крылом?

1984 г.

УПАЛО ЯБЛОКО

Упало яблоко, созревши –
И я в свой срок уж начала стареть.
Лишь чувства, в сердце не сгоревши,
Стихами душу долго будут греть.

А старый тополь, облетая,
Всю зиму будет под окном чернеть.
О, слов моих крылатых стая,
Прошу на юг с гусями не лететь.

Прошу со мною быть под вьюгу,
Даря мне свежесть зимней белизны.
Листу я белому, как другу,
Отдам всё сокровенное, как сны.

2002 г.

УСТАЛ МОЙ КОНЬ

Устал мой конь. Тропою каменистой
Он в гору долго шёл, копыта истерев.
Мы шли, её вершины серебристой
Достичь в пути нелёгком всё-таки сумев.

Стояли мы на ней, извечно серебристой,
С её седой вершины мир весь оглядев.
Теперь уже с долины я не шелест листьев,
А шорох листопада слышу среди деревьев.

И хоть давно отаву косит бабье лето,
И хоть идёт под гору мой усталый конь,
Всё ж катится порой серебряной монетой
В ночи луна на мою тёплую ладонь.

2002 г.

МОЁ ВРЕМЯ

Уходит время тихо из меня,
Уходит тихо моё время.
Его однажды на восходе дня
Творящий высек кремнем.

Уходит время, словно та роса,
Что, высохнув, исчезнет.
Оно, как голубые небеса,
Что в сумерках тускнеют.

Уходит время – это вешний плуг
За рядом ряд вершит собою.
Уходит время – это летний луг
Уж скошен острою косою.

Уходит время – под окном сугроб
Уж намело порой ночью.
Морщинкой новой лёг на лоб
Тот год, что прожит уже мною.

А я за стёжкой стёжку шью
На полотне судьбы ту строчку,
Которую, спеша, я всё пишу,
Последнюю не ставя точку.

Уходит тихо время из меня,
Уходит тихо моё время.
А я, как пахарь, до заката дня
Спешу успеть посеять семя.

2002 г.

НЕ ВИНОВАТА, НЕ ПРАВА

Усну ли я перед рассветом,
Проснусь ли в полдень, как сова,
Ни перед кем я не в ответе,
Не виновата, не права.

Правы лишь скачущие строки,
Виновны только всадники-слова.
Перед рассветом вновь на локоть
Склонится тихо голова.

И я опять одна в ответе
За белый лист и за перо.
Опять усну перед рассветом,
На пашню бросивши зерно.

1988 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Сироте Любви –
краснодарской поэтессе

Мой дальний друг!
Твой парус музыки дружит с южным ветром!
Я поклонюсь твоей земле, когда настанет срок.
И на ладонь твою бруснику, пахнущую кедром,
Я положу – рубиновый таёжный огонёк.

Мой дальний друг!
Пусть будет он приветным пламенем Сибири,
Омытой августа прощальной росой.
Он, нас с тобой связуя, пусть связует наши лиры
Со светлою и с чистою, и с гордою красой.

Мой дальний друг!
Зову тебя напиться белопенной айры¹,
В порогах бьющейся, но рвущейся вперёд!
Зову тебя услышать гулкий клич маралий,
Что к жизни мир весь, торжествуя, призовёт!

Мой дальний друг!
Летит письмо моё к тебе сегодня снова,
Чтобы порадовать тебя взволнованной строкой.
И, под крылом строки таясь, серебряное слово –
Поэта слово полноводной плещется рекой.

1990 г

¹ Айра – горный родник.

РОЗОВЫЕ ДИКИЕ КОСУЛИ

Когда стихи уйдут однажды от меня,
Косулей-матерью ведомое всё стадо,
Тогда заплачу я, слёз светлых не тая,
Как по желанной ветреной отраде.

А губы теплые избалованных слов
Найдут травы в другом логу туманном.
Но будет звон копытцев их и голосов
Меня в ночи тревожить зовом тайным.

И на рассвете я, вдруг бросив свой уют,
Уйду тропой лесной в неведомое все,
Ведь там меня загадочные ждут
Слова, как розовые дикие косули!

2000 г.

ГЛЯЖУСЬ Я В ЗЕРКАЛО

Гляжусь я в зеркало утрами,
Пью торопливо кофе свой.
И, сдвинув брови, я упрямо
Тягаюсь с собственной Судьбой.

Она нежна, она жестока,
Она мне мачеха и мать.
Я, закусив губу, её до срока
Опять берусь уламывать.

Она сначала тихо шепчет,
Потом от ярости кричит.
Глаза прищурив, ей навстречу
Несу свой крест, несу свой щит.

И вновь она улыбкой манит,
Потом меня наотмашь бьёт.
Я, стиснув зубы, жду обмана,
Судьбе не веря наперёд.

Не веря ей, не отвергаю
Её подарков дорогих.
И, плечи вжав, не убегаю
Я от упрёков самых злых.

И вот в то зеркало утрами
Гляжусь, печальна и строга.
От этих битв сегодня шрамом
Морщинка новая легла.

1995 г.

В ЭТУ ЛУННУЮ НОЧЬ

В эту лунную ночь я неслышно во сне
Облетела земли моей гулкий простор.
О, как дорого было и сладостно мне
В том полёте познать высоту моих гор!

Серебристо сиял на вершинах их снег –
В каждой крапинке был изумрудный узор.
О, как дорого было и сладостно мне
Всей душою постичь чистоту моих гор!

А я птицей парила, летя в вышине –
Обнимал всё собою небесный мой взор.
О, как дорого было и сладостно мне
Ощутить сердцем всем тишину моих гор!

1995 г.

ОТЧЕГО ЗЕМЛЯ

Отчего земля не пахнет жизнью пряно,
Отчего чернеет мёртвая земля?
Оттого, что инеем вчера убило травы,
Её дети-травы умерли от зла!

Отчего деревья плачут сиротливо,
Пальцы чёрных веток оголив с утра?
Оттого, что ночью, громохая ливнем,
Их детей-их листья унесли ветра!

Отчего же, осторожно скрипнув дверцей,
Пробралась тревога в дом души моей?
Оттого, что нынче в материнском сердце
Страх родился за своих детей!

1990 г.

ЧЬИ ВЫ, КОНИ, ЧЬИ?

Смотрю, а зимний подоконник,
Как летний сад, для кактусов моих.
А на стекле морозном кони
Летят куда-то в вихрях голубых.

Летят они за синие сугробы,
За ледяные речки и ручьи.
Какой вы мчитесь вдаль дорогой?
Куда вы мчитесь? Чьи вы, кони, чьи?

Под вами степь, как мрамор белый,
Над вами небо в лазури ночи.
Стремясь в неведомое смело,
Куда вы мчитесь? Чьи вы, кони, чьи?

Плывут серебряные гривы,
Как пламя невесомое свечи.
Взлетев в торжественном порыве,
Куда вы мчитесь? Чьи вы, кони, чьи?

Не мир ли предков предо мною –
У всадников под инеем мечи!
Теперь я знаю – над землёю
Куда вы мчитесь! Чьи вы, кони, чьи!

1988 г.

ВЕСЕННИЕ ТОКУЮТ ГЛУХАРИ

Едва лишь ночь сиреневую шаль
Парче уступит золотой зари –
Собой таёжную тревожа даль,
Весенние токуют глухари.

А плечи белые задумчивых берёз
В мантию пушистом дымчатой листвы –
Их девичью нарушив тайну грёз,
Клеочут куропатки из травы.

А вот еловый вострепнулся сук,
Припав пружинисто к земле –
И юркнул меж ветвями бурндук,
Защёлкав по-весеннему в дупле.

А воздух полон талою водой,
В нём бродит к жизни тайный зов –
Кукуют гулко за загадочной игрой
Весенние кукушки из лесов.

И первозданен тех лесов покой
В томлении проснувшейся земли –
В распадке за разлившейся рекой
Весенние курлычут журавли.

И лишь на кедре солнца ранний луч
Смолистые осветит янтари –
Опять в ложине у таёжных круч
Весенние токуют глухари.

1989 г.

ВНОВЬ ИЮньСКИМ ПУХОМ ТОПОЛИНЫМ

Вновь июньским пухом тополиным
Запорошило леса и все сады.
Облака плеснулись в круге синем –
В ковшике колодезной воды.

На заре духмяным ароматом
От черёмухи чуть слышно донеслось.
Ввысь ветвями старцем бородатым
Молодое небо поднял кедр-лось.

Девичьей берёзовой серёжкой
Ветерок играл, шаливший на бегу.
Маралёнок-солнце розовые рожки
Искупал в тумане на лугу.

А июнь струился зримым шёлком –
Изумрудным маревом вдали.
Исходили первобытным соком
Травы новорожденной земли.

1987 г.

МОЙ КАЛЕНДАРЬ

Теперь вот есть в моём календаре
Пустые дни, в которых мало прока.
Тогда мной незаконченные строки
Сосновой рощей зеленеют на горе.

Есть дни – я лёгкой белкой на бегу
Кручусь в делах, так важных к сроку.
Тогда мной недописанные строки
Прокосом свежим сохнут на лугу.

Есть дни – они, воронкой в глубине
Родившись, катят год волной высокой.
Тогда вчера задуманные строки
У сердца смутно всё болят во мне.

Но мне всегда наградой на земле
Те дни, для мысли ставшие истоком.
Тем родником наполненные строки
Однажды книгой лягут на столе.

1995 г.

Серебряные серыи

А РАЗВЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИНАЧЕ

И дробью цокотом в налёт
Взвонит земля в пыли горячей.
А разве может быть иначе –
В нас кровь горячая течёт.

А разве может быть иначе –
В стремительном блистании огня
Лететь в нетерпеливом скачке
В седле степного скакуна.

А разве может быть иначе –
На донце взмыленного дня
Взгляд будет быстрым и горячим,
Как ноздри чёрного коня.

1984 г.

ВЕЛИКАЯ РОСКОШЬ ЛЮБВИ

О, какой мне подарок судьба припасла,
Пробудив сокровенную песню в крови?
То великая роскошь земная была,
Первозданная роскошь любви!

Но с собой принесся столько явного зла,
Что терзало за каплею каплю в крови?
То великая роскошь земная была,
Первозданная роскошь любви!

И какую же мудрость во мне родила,
Пережитая боль, откипевши в крови?
То великая роскошь земная была,
Первозданная роскошь любви!

2000 г.

Я ПОЧКУ РАСТЁРЛА

Я почку растёрла. Её аромат
Растревожил заветные струны во мне.
Незримо те струны звенят и звенят,
Невесомо звенят тишиной в тишине.

И я прикрываю ресницы рукой,
Продлевая на миг шёпот твой и слова.
Незримо струится в душе голос твой,
Невесомо, как лист, над землёю плывя.

И болью, и нежностью полон тот миг,
В очертаниях губ твоих тайну храня.
Незримо во мне замирает твой лик,
Невесомо колеблется в мареве дня.

Я почку растёрла. Её аромат
Пробудил сокровенные струны в душе.
Незримо те струны звенят и звенят,
Невесомо звенят, как весна по весне.

1980 г.

ОСТРОВ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

В океане души моей есть острова –
Моих тайн сокровенная пристань.
Там осенней порой не желтеет трава,
И с деревьев не падают листья.

В зимний день не грозит им пурга –
Им ничто все летящие годы.
Омывают собой островов берега
Только самые чистые воды.

Ныне лишь горизонт их собою сокрыл –
Птица памяти далью сокрыла.
Но сегодня она из-под розовых крыл
Остров первой любви мне явила.

И тогда пылкой юности берег с песком –
С золотистым песком мне открылся.
Он, когда-то исхоженный мной босиком,
Валунами слегка серебрился.

Все свершенья мои изумрудной горой –
Замком первых побед возвышались.
Лучи нежности первой над ними зарёй,
Первозданной зарёй разливались.

На полянках цвели колокольчики слов –
Колокольчики первых признаний.
Угасал там порыв иноземных ветров,
Пролетев всех разлук расстоянья.

Зеленели там травы надежды моей –
Неизбывной надежды на счастье.
На ладонях прилива души моей всей
Тому острову век бы качаться.

Лёгким маревом бриза он был весь объят –
Был объят светом чистой лазури,
Ведь над островом тем никогда не штормят
Океанские грозные бури.

Лишь боится тот остров чужих кораблей –
Не желает с чужими он встречи.
Возвращаясь с него, в чередё своих дней
Широко расправляю я плечи.

Ведь души моей всей снова чист океан –
Он готов одолеть все невзгоды.
Омывают там сердце моё от всех ран
Только самые чистые воды.

КАК ДАВНО ВСЁ БЫЛО

Инеем опушена, акация застыла
Серебристой птицей в белом свете дня.
Как давно всё было! Неужели было?
Той весною я ли так тебя любила –
За тобою мчалась, оседлав коня!

И каурый конь мой, разметавши в искры,
В голубые искры цвет ирис-травы¹,
Нёс меня над степью, словно ветер, быстро,
Что звенело солнце на плечах монистой
И со мною вместе пело о любви.

Надо мною небо в вышине плескалось
Маревом бездонным девичьих всех слов.
Всё кругом прекрасным в этот миг казалось,
За строкою строки сами вдруг слагались
В песню, что рождала девичья любовь.

¹Ирис-травы – дикий ирис, в изобилии растущий по сибирским степям, народом называют «пикулькой». Очень крупные синие цветы пикульки, с насыщенным фиолетовым оттенком, начинают цвести ранней весной и покрывают степи голубым ковром.

Инеем опушена, акация застыла
Серебристой птицей в белом свете дня.
Как давно всё было! Это всё же было!
Как давно тебе я всё уже простила,
Четверть века помня лишь того коня.

И теперь лишь песни, что рождают строки,
Властвуют над сердцем звоном того дня.
Поклонюсь ему я за свершение рока,
Одаренье музой и сверхзорким оком –
За рождение поэта в сердце у меня.

1996 г.

РАЗЖЁГ КОСТЁР

Разжёл костёр. И вытер пот со лба.
Ветка зашуршала под ногами.
В выси луна надменная плыла
Над соприкоснувшимися
молча головами.

Упруго-пряным был таёжный мох,
Лапою медвежьей ель качала.
Берёзка рядом обронила вздох
Над соприкоснувшимися
в той ночи плечами.

Степенный кедр старчески кряхтел,
Звёзды пряча меж ветвями.
И первобытно лес весь шелестел
Над соприкоснувшимися
в вечности сердцами.

1987 г.

МОЙ ГОД ЛЕТУЧЕГО ДРАКОНА

С тобою мы встречали Новый Год,
Мой год Летучего Дракона.
Пел телевизор ночь ту напролёт,
И фейерверк пускали мы с балкона.

На белой скатерти стоял бокал,
Вином наполненный до края.
А телевизор пел, шутил, плясал
В цветном подобии земного рая.

Мы танцевали танго. И, смеясь,
Друг друга в щёки целовали.
Что время наше тает уж для нас,
Того мы в эту ночь ещё не знали.

С тобою мы встречали Новый Год,
Мой год Летучего Дракона.
Не знали мы – один из нас уйдёт,
Другой заплачет тихо на балконе.

1998 г.

КОВАРСТВО ЛЮБВИ

Любовь, говорят, приходяща,
Приходит, коварство тая.
Потому что она проходяща,
Как буйство весеннего дня.

То нежною сочностью первой
В ладонях листвы опьянит,
То ливнями грянет по нервам,
Покою надолго лишит.

То жаждой великой осушит,
Дыхание перехватив,
То ревностью молча оглушит,
Сомнение вдруг зародив.

То силы подарит для жизни,
Всей роскошью нас одарив,
Морские навеет нам бризы,
Укажет опаснейший риф.

Но, крадучись, тихая осень
На цыпочках в чащу войдёт
И с первой копною покоса
Прохладу с собой принесёт.

Потом уж порошей укроет
Тропинки, дороги и лес,
Остуженным ветром завоюет,
Однажды поставивши крест.

• • •

Любовь, говорят, проходяща,
Проходит, усталость тая.
И всё ж она вновь приходяща,
Как буйство весеннего дня.

1989 г.

ТЕБЯ Я СПАСУ

Я, быть может, тебя обниму
Двумя берегами весною.
И тебя, ледяного, вот так растоплю,
Чтоб вновь забурлил ты рекою живою.

Я, быть может, в тебя окуну
Зелёные косы весною.
И тебе, онемевшему, речь так верну,
Чтоб заговорил ты волною живою.

Я, быть может, тебе всё скажу,
Пролившись дождями весною.
И тебя я, заснувшего, так пробужу,
Чтоб вновь ты наполнился силой живою.

Я, быть может, тебе принесу
С собой лучи солнца весною.
И тебя я, ослепшего, так вот спасу,
Чтоб стал ты отныне моею судьбою.

1990 г.

КЛИНОК ИЗМЕНЫ

Клинок измены – холод стали
Вошёл мне в грудь и между строк.
Когда глаза закроются устало,
То стану камнем у дорог.

Орёл над ним крыло раскинет,
Задевши облако плечом.
В твоих руках клинок застынет
На царском троне палачом!

2000 г.

О, КАК ЖЕ ИСТИНА СТРАШНА

О, как же истина страшна –
Тебе была я не нужна.
А ты так нежно обнимал
И так же нежно целовал,
И о любви мне говорил,
И был в тебе любви той пыл.

О, как же истина страшна –
Тебе была я не нужна.
Гордилась я, что ты мой друг,
По жизни верный мой супруг.
По пашне дел земной мы плуг
Тащили с радостью на круг.

О, как же истина страшна –
Тебе была я не нужна.
Завис над нами вещий рок,
Поставив точку между строк.
Покинут нами наш порог,
И лик судьбы судилищ строг.

2000 г

НОЧЬ ЗА ОКНАМИ

Ночь за окнами. Мохнато
Звёзды замерли гурьбой.
Нынче то, что было свято,
Всё поругано тобой.

Всё истоптано, изрыто,
Пыль осела, не клубясь.
У корыта власти сыто
Ныне чавкаешь, скалясь.

Горечь сердце мне сдавила.
Ложью горклой обожгла.
Крестоносцем ты на вилы
Мою душу подняла.

2000 г.

ЗАЧЕМ ЗВОНИШЬ

Зачем теперь звонишь ты, мою душу
Терзая снова болью роковой?
Ты в одночасье сам любовь порушил,
Играя нашей жизнью и судьбой.

С тебя вдруг разом с позолотой блёстки
Слетели, обнаживши твою суть.
Одна стою теперь на перекрёстке
Дорог и троп земных, готовясь в путь.

Пред одинокой путницею – мною
Они раскинулись и вдаль зовут.
Там ветры южные сплелись со зноем,
А северные вьюгами метут.

Гремит там гром и молнии сверкают,
В степи дождями приминая пыль.
Осенним утром иней там не тает
И сохнет на ветрах ковыль.

Но властвуют над миром там рассветы,
Тьму розовым тесня плечом.
Купают ивы в той реке браслеты,
Что горным родилась ключом.

В реке той сила гор моих родимых,
Что неподвластна всем ветрам.
В ней сила всех тасхылов белогривых,
Что жизнь дают родным степям.

Пойду я ныне к той реке тропюю,
Мной избранной из всех дорог –
Пойду израненной косулей к водопою,
Чтобы испытить живительный глоток.

Потом вдохну я, утоливши жажду,
Всей грудью ароматы дня.
И боль, что сердце ранила однажды,
С собой на гребне унесёт волна.

А ты мне больше не звони, терзая
Свою же душу собственной виной.
Живи спокойно в своём мире, зная –
Моей любовью ты прощён уж мной.

2002 г.

НЕ ЛЮБИЛ ТЫ МЕНЯ

Не любил ты меня никогда –
И улыбку свою не криви.
Больше душу мою и года
Ты, пожалуйста, не тереби.

Я ведь сердце однажды своё
Положила тебе на ладонь.
Сам задул ты, что было твоё –
В очаге запылавший огонь.

Но сгорело в том ярком огне,
Но сгорело в огне дотла
Всё, что верою было во мне,
Всё, что я для тебя берегла.

И вокруг пепла теперь не сиди –
Я согрею озябшие плечи.
В ночь и темень теперь уходи –
Буду жечь я отныне лишь свечи.

1986 г.

ТАНГО ОСЕНИ

Грустно танго осени звучит –
Жизнь моя в мажорной гамме.
И ночами всё колёсами стучит
Колесница вечной мелодрамы.

Ныне вот проехали по мне
Все её тяжёлые колёса.
И теперь в холодной тишине
Опадают мои листья в осень.

Веют мне в висок ветра,
Осыпая влагой дождевою.
Мне дожить бы только до утра
С солнечной великою ладью.

2000 г.

ТО ПЛАЧУТ ТРАВЫ

Когда косою травы косят,
Под той косою их душа.
И прядь зелёного прокоса
Лежит, поникши – не дыша.

Лежит пучок, горбато съёжась,
Подвёрнута зелёная рука.
Цветок лиловый срублен тоже –
Слеза скатилась с лепестка.

А косари всё точат-точат
Под знойным солнцем косы те.
Зелёным соком кровоточат –
Распяты травы на кресте.

А плач ручья всё глуше-глуше,
Ручей уткнулся локтем в мох.
О чём кричали травы – души,
Когда их всех сложили в стог?

Душистым сеном пахнут копна –
Душа травинок умерла.
Луна глядит ночами в окна –
Чьи души всё ж на одре зла?

Когда обида сердце косит,
Под той косою вся душа.
И прядь сердечного прокоса
Лежит, поникши – не дыша.

А косари всё точат-точат
Под знойным солнцем косы те.
Зелёным соком кровотоцит –
Душа распята на кресте.

2002 г.

СУДЬБЕ НЕ ВСЁ УГОДНО

Судьбе не всё угодно. Годы-годы.
Походный дым мне сладок. Всё смогу.
Но несвободна я в своей свободе –
Как конь, стреноженный тобою на лугу.

Судьбе не всё угодно. Нежно-нежно
Журчал в траве весенний ручеёк.
А нынче вот нежданно-неизбежно
Зима шагнула через стылый мой порог.

Судьбе не всё угодно. Зимы-зимы.
Легли на сердце снежные пласты.
В душе моей теперь они незримо
Рисуют ледяные белые цветы.

Судьбе не всё угодно. Тихо-тихо
Всё ж ворохнулся счастья уголёк.
Я пережду сугробы. И лосихой
Я побреду искать весенний ручеёк.

2000 г.

РУСЛО ПУСТОТЫ

Пришёл нелепый час разлуки,
Моей нежданной беды.
Кладу безжизненные руки
Я на подушку пустоты.

Напрасно я шепчу то слово,
В ночи его не слышишь ты.
Одна живу под нашим кровом,
Под кровом гулкой пустоты.

Когда рассвет приходит снова
И город полон суеты,
Одна иду средь многих-многих
По тротуарам пустоты.

Одна стою чужою волей
У роковой своей черты,
Немые губы сжав от боли,
Беззвучной боли пустоты.

* * *

Пришёл нелепый час разлуки,
Моей нежданной беды.
Лишь сила духа у излуки
Наполнит русло пустоты

2000 г

СОЖЖЕНЫ ВСЕ МОСТЫ

Сожжены все мосты –
Сожжены переправы.
Виноваты мы оба –
И оба мы правы.

И сказались слова –
На штыки все похожи.
Победителя нет –
Побеждённого тоже.

Уж ничем не измерить –
Устали от гнева.
Одному вот направо –
Другому налево.

Наши души закрыты –
Ключи не подходят.
Нет дороги вперёд –
И обратного хода.

И остыла зола –
Прогорела углями.
Иней лёг на костёр –
Отпылало там пламя.

Отстучали часы –
И никто их не сверил.
Обманувший не лгал –
А обманутый верил.

Счёт вести уж не дням –
Пролетели ведь годы.
Безвозвратен наш плен –
И горька нам свобода.

Сожжены все мосты –
Сожжены переправы.
Виноваты мы оба –
И оба мы правы.

2000 г.

СЕРЕБРЯНЫЕ СЕРЬГИ

Я себе серебряные серьги
От тебя как будто бы куплю.
В твой подарок будто бы поверю,
И поверю, что сказал: «Люблю».

А потом я вдену серьги в уши,
Глядя в зеркало, немного постою.
Грянет что-то больно-больно в душу.
Оттого ли тихо-тихо застону.

Только стон тебе мой не услышать,
Не увидеть слёз в глазах моих.
Лишь глухою полночью по крыше
Грянет ливень, плача о двоих.

1988 г.

Я У ПАМЯТИ ВОВСЕ НЕ РАБ

Я у памяти вовсе не раб,
У неверной любви не слуга я!
Смоет ливень с еловых всех лап
Пыль и грязь, им ожить помогая.

И пока над лугами стрижи
Разливаются в трепетном пенье,
Неужель пред тобою, скажи,
Преклоню я с мольбою колени?

Хоть оковано сердце всё той,
Всё любви той серебряной цепью,
Но свобода рукой золотой
Уж зовёт проскакать меня степью.

Чтобы снова судьбу обуздать,
Вновь изранив, быть может, ладони –
Ведь высокие травы ещё там стоят,
И пасутся там вольные кони!

2002 г.

ЗОВУ ТЕБЯ

И всё ж люблю. И всё же верю я
Обману вопреки.
Зову тебя с другого берега
Разлившейся реки.

Разлившейся в кипении
Нелепых наших ссор.
Несёт волна на гребне пеною
Упрёков мутный сор.

И в ней коряги подозрения
Подспудны под волной.
Давнишний ил осел неверия
Под тёмной глубиной.

И щепки слов прибиты к берегу
Бурлящей той реки.
И всё ж люблю. И всё же верю я
И половодью вопреки.

2002 г.

НЕДОПЛАКАННАЯ СЛЕЗА

Жёлтый лист на мою ладонь
Тихо-тихо слетел, шурша.
В этом шорохе был твой стон
И израненная душа.

Ветер тронул ночной засов,
Тронул ставню мою, шумя.
В этом звуке была любовь
Недолюбленная твоя.

От дождейки осталась соль,
Что упала на лоб, скользя.
В этой капле была твоя боль,
Недоплаканная слеза.

Очень бережно я коснусь
Твоих губ в своём светлом сне.
В этом сне ведь была твоя грусть,
Невесомая грусть обо мне.

Жёлтый лист на твою ладонь
Тихо-тихо слетел, шурша.
В этом шорохе был мой стон
И израненная душа.

2002 г.

О ПЕЧАЛЬНОЙ ЛУНЕ ОДНОБОКОЙ

Минуло десять уже моих лет,
Моих минуло лет одиноких.
Зябкий струится в окно моё свет
От печальной луны однобокой.

Той, что лежит на перине небес,
Равнодушно прикрыв в дрёме веки.
Бог ей не мил и не страшен ей бес,
Ей ничто все цари и все беки.

Ею, воссевшей однажды на трон,
Кубок яда в день чёрный испито.
Все, приходившие к ней на поклон,
С той поры ею тихо забыты.

Лик, не согретый улыбкою дня,
Тёмной ночью едва серебрится.
Там, где сегодня её западня,
Улеглись безразлично ресницы.

Горечь предательства, как и хула,
Уже сердце, остывши, не гложет.
Чаша весов с тяжкой гирею зла
Причинить большей боли не может.

Но не оправилась ныне ещё
От молвы-клеветы она гадкой.
Боль, оттянувши коварно плечо,
Ещё держит её цепкой хваткой.

Зябко струится в окно твоё свет
От печальной луны однобокой.
Минуло десять уже твоих лет,
Твоих минуло лет одиноких.

2008 г.

НЕ ПЛАЧЬТЕ, СТИХИ МОИ

О, не плачьте, стихи мои,
Больше не плачьте –
Не дано этой жизни
Нам переиначить!

Пусть седой небосвод
Тешит новые вьюги,
И царит над землёй
Вновь трескучий мороз,
Но наступит тот день –
По весеннему лугу
Побегут вновь ручьи
К рощам белых берёз.

Не печальтесь, стихи мои,
О, не печальтесь –
Не дано в этой жизни
Нам вечного счастья!

Пусть седой небосвод
Тешит грозные тучи,
И царит над землёй
Гребень долгих дождей,
Но наступит рассвет –
И кедровые кручи
Жадно к солнцу протянут
Ладони ветвей.

2002 г.

РАЗГОВОР С ОВЧАРКОЙ ПО ИМЕНИ ВЕРНЫЙ

Опять глядишь сегодня, Верный мой,
Такими грустными глазами.
Давай поговорим о нём с тобой,
О ком – мы знаем только сами.

Я вновь понежу любящей рукой
Тебя за чуткими ушами.
Давай мы помолчим о нём с тобой,
О ком – мы знаем только сами.

Он, дорожа своею лишь судьбой,
Ничуть не дорожил ведь нами.
Давай его за всё простим с тобой,
Кого – мы знаем только сами.

Его не жди ты больше, Верный мой.
Не стой с поникшими плечами.
Давай благословим его с тобой,
Кого – мы знаем только сами.

2000 г.

ПРОСТИ ЗА ВСЁ

Прости за всё хорошее, мой милый,
Прости за всё плохое, дорогой.
И за росток надежды бледно-хилый,
И за бутон страстей роскошно-роковой.

Прости за танец в майский вечер,
Прости за песню, спетую для нас,
За те забытые запыленные свечи,
Что в Новый Год мы жгли, смеясь.

Прости за дождь осенний, долгий,
Прости за снег, сметаемый с крыльца,
За ветер мартовский, промозглый,
И за жарок, ронявший нежные пыльца.

Прости за всё, что было с нами, милый,
Прости за всё, что будет, дорогой.
Прости за встречу нашу, мой любимый,
Прости за час прощания с тобой.

2002 г.

ТЫ СТАНЕШЬ РЕКОЙ

Человек, умерев, становится
частью Природы.

Ты станешь рекой,
А я – белой пеной,
У тебя на груди
На волне буду плыть.

Ты станешь скалой,
А я – вольным ветром,
Чтоб тебе в вышине
Одиноким не быть.

Ты станешь землёй,
А я – синим небом,
От разлуки дождём
Буду слёзы я лить.

Ты станешь травой,
А я – вещей птицей,
Буду песни я петь,
Чтоб тебя оживить.

2000 г.

РАССКАЖИ МНЕ О ТОМ

Расскажи мне о том, что ещё не приснилось,
Расскажи мне о том, что ещё не сбылось.
Ещё старая боль, отболев, не забылась,
Ещё сердце надеждою вновь не зажглось.

И земля ещё белым крылом не укрылась,
Но снежинки как трепетный росчерк зимы.
И, прощаясь с тобой, мы ещё не простились,
И, встречаясь с тобой, ещё встретимся мы.

Расскажи мне о том, что ещё не сказалось,
Расскажи мне о том, что не спелось ещё.
Ещё плачет душа, светлой грустью печалась,
И смятенье моё всё ещё так свежо.

Но уж сердце моё в ожиданье забилося,
В ожидании свежести белой зимы.
Ведь, прощаясь с тобой, мы ещё не простились,
Ведь, встречаясь с тобой, ещё встретимся мы.

1985 г.

СИДЕЛИ МОЛЧА РЯДОМ

Сидели молча рядом. Шли доклады.
Сегодня новый галстук на тебе.
Каким коротким равнодушным взглядом
Меня окинул ты. Вот так судьбе

Я неугодна ныне. И капризно
Она, плечами передёрнувши, ушла.
Она другой сегодня выдаст призы,
Другой она награды припасла.

Сидели молча рядом. Шли доклады.
Закончилась работа. Всем пора.
Каким же нежным и лучистым взглядом
Со мной простился ты. До самого утра.

1988 г.

УШЁЛ

Ушёл. Однажды. Не допивши чаю.
Остался стынуть чай твой на столе.
А за окном мальчишки всё кричали.
Барахтаясь с собакой по земле.

Ушёл. По-прежнему светило солнце.
В глаза луч яркий больно-больно бил.
В твоём бокале, на уснувшем донце,
Крупинки сахара блеснули. Не допил.

Ушёл. Накину что-нибудь на плечи.
Свой чай допью одним глотком.
По радио опять одни и те же речи.
Опять раздуло тюли сквозняком.

1988 г.

МЫ ВСЁ ЕЩЁ ЖИВЫ

«К былым возлюбленным
не возвращайтесь»

(А. Вознесенский)

Мы всё ещё живы – в объятиях лет
Нас всё ещё радует утренний свет.
Мы всё ещё мечемся в трепете дня,
Уздечкой взмахнувши, седлаем коня.

Мы всё ещё живы – и в нас та любовь
Волнует по-прежнему сердце и кровь.
Вернуться не поздно к былым нам словам,
Не поздно прижаться к любимым рукам.

Сквозь горячую память кожи
Узнаю тебя вновь. Но на дне,
Но на дне этой грусти уже не может
Вспыхнуть сердце в былом том огне.

Сквозь горячую память слов всех
Узнаю тебя вновь. Но на дне,
Но на дне моей боли и слёз всех
Их не видно уже в полынье.

1988 г.

А СНЕГ ВСЁ ШЁЛ

А снег всё шёл, укутывая землю –
Твой самолёт поднялся над тайгой.
И тот бокал искрящегося зелья
Ты под куранты выпил не со мной.

И не со мной задумчивое танго
Ты в эту ночь, волнуясь, танцевал.
И под чарующую музыку Вахтанга
Не обо мне с любовью тосковал.

А снег всё шёл, укутывая землю –
Звезда Солбан¹ сияла божеством.
В бокале ночи голубое зелье
Искрилось пеной Млечной за окном.

1983 г.

¹ Солбан – по-хакасски Тан Солбан (Венера).

И ЕЩЁ ОДНО УТРО

И ещё одно утро настанет –
И со мною тебя не застанет.
И ещё один вечер придёт –
И со мною тебя не найдёт.

А ты воду черпнёшь из чужой реки,
И ты чаю попьёшь не с моей руки.
Видя горы чужие, ты грустно вздохнёшь,
Снова долгую ночь без меня не уснёшь.

И ещё одно утро настанет –
И твой сон обо мне весь растает.
И ещё один вечер придёт –
И с тобою меня не найдёт.

А я воду черпну из родной реки,
Но я чаю попью не с твоей руки.
Видя степи родные, я грустно вздохну,
Снова долгую ночь без тебя не усну.

2000 г.

В КОТОРЫЙ РАЗ ПИШУ

В который раз пишу тебе письмо,
Но то письмо я завтра не отправлю.
Оно в дорогу просится само,
Но я на то уж не имею права.

В который раз пишу о нас стихи,
Пишу ночами их, наутро правлю.
Прочёл бы нашей ты любви штрихи,
Но я на то уж не имею права.

В который раз беседую с тобой,
В твоих ответах многоточья ставлю.
Мне очень нужен твой совет живой,
Но я на то уж не имею права.

2002 г.

МАЗЕСТРО С ИМЕНЕМ ТАМАРА

*Посвящается Тамаре Кобельковой
члену Союза композиторов Хакасии
создателю и исполнителю романсов*

Едва касаясь белых клавиш,
Взметнутся руки – крылья муз.
Чью душу ныне вновь избавишь
Ты от пленения всех уз?

Вспорхнут волнующе ресницы –
И дуновеньем нежных уст
Свеча опять воспламенится,
Свеча угасших вчера чувств.

Слетев с листа, чаруют ноты –
Царицей лун звучит романс.
Чью тайну мук сердечных вновь ты
Откроешь пением для нас?

И так пленительны те чары –
Узор мелодии так чист.
Мазестро с именем Тамара,
Грудной твой голос серебрист.

Твой чудный голос невесомый –
Всемирная отрада и венец.
Чью боль ты в нас пробудешь снова
На самом донышке сердец?

И в муке песни той порою
На лбу изящном дрогнет бровь.
Чью нам незримым ты героем
Вдруг явишь тайную любовь?

И чья душа на миг всплеснётся
Ей вслед прозрачною волной,
И гранью вдруг соприкоснётся
С великой вечностью живой?

2003 г.

О, ЕСТЬ В МОЁМ СЕРДЦЕ

О, есть в моём сердце ещё уголок,
В котором ещё не угас уголёк –
От нежного взгляда он вспыхнуть готов
Таёжным костром из берёзовых дров.

О, есть в моём сердце ещё островок,
В котором ещё не зарос тот лужок –
От тёплого ливня взрасти он готов
Улыбками первых весенних цветов.

О, есть в моём сердце ещё бережок,
Который всё ждёт белопенный поток –
От вольного бега волны он готов
Расправить в пути паруса нежных слов.

О, есть в моём сердце ещё родничок,
Который ещё не сомлел, не иссох –
От лёгкой струи он разлиться готов
Рекой среди зелёных своих берегов.

2003 г.

Татаров Кирилл Гаврилович

Отцовская кровь

ОТЦОВСКАЯ КРОВЬ

Улыбнусь, если даже совсем не смешно,
Если даже дождит целый день за окошком.
Это всё пустяки! Ведь прекрасно одно,
Что живу на земле – вот великая роскошь!

Роскошь в том, что дано мне родиться и быть,
Что отец мой живым встретил тот сорок пятый.
И на землю родную с победой ступить
Суждено ему было и стать нашим папой.

Что могучей весны, расцветающей вновь,
Что счастливее жизни, восставшей из пепла!
Только ради неё ведь отцовская кровь
В моих венах сегодня, мужая, окрепла!

И сдаваться злословью, обидам, слезам?
Для того ли живу, чтоб сдаваться и плакать?
Дай же силу рождённому для жизни строкам,
Моё сердце, отцовское сердце солдата!

Улыбнусь, если даже совсем не смешно,
Если даже метёт целый день за окошком.
Это всё пустяки! Ведь прекрасно одно,
Что творю на земле – вот великая роскошь!

1985 г.

ОТЕЦ МОЙ СТРОГ

*Мой отец на войне
был связистом.*

Отец мой строг. Немного словен.
И для него не найдено числа,
Каким же весом гильза слова,
Каким – снаряд заряженного зла?

Какой ценой ценить потери,
Что сердце точат исподволь?
Какою мерой мерить веру,
И глубины какой бывает боль?

Какой в разрезе кабель чести?
Какой в разрезе кабель лжи?
И мины где лежат бесчестья,
И подлости таятся блиндажи?

Где клеветы сокрыты дзоты,
Другому не простивших ум?
Ночам без сна не зная счёта,
В плену каких он ныне дум?

Листок срывая календарный,
Он грустный счёт ведёт годам.
Судьбе за жизнь благодарный,
Всю жизнь свою он отдал нам.

• • •

Отец мой стар. И судит строго.
Под сень отцовской жизни всей
Ему так мало нужно и так много –
Чтоб были мы людьми среди людей!

1995 г.

НАКАНУНЕ ДЕВЯТОГО МАЯ

*Написано в день 50-летия Победы
в Великой Отечественной войне.*

Накануне Девятого мая вот снова
Отца пригласили в торжественный зал.
А когда ветеранам давали всем слово,
Отец мой лишь общие фразы сказал.

Ничего не сказал о бойцах он из взвода,
Которым войну всю командовал он.
А ведь только вчера, как и многие годы,
Кричал им «Давай!» сквозь мучительный сон.

А ведь только вчера он, ударивши стену,
Врага бил и бил в том губительном сне.
От натуги набухнув, отцовские вены
Всё памятью бились о давней войне.

Ничего не сказал про связистов, их славу
На Курской Дуге и в боях у Днѣпра,
Про тяжѣлый свой кабель и про переправы,
Про немо зловещие прожектора.

А ведь только вчера он кричал всё: «Левее!
Левее бери!» – и подушку всё бил.
Видно, снова лишь место пред ним багровело
Мгновенье назад где боец его был.

Ничего не сказал он об этом – ни слова –
О том, как терзают его эти сны.
Экспонатом живым он для зала был снова,
Для зала был просто реальем войны.

А ведь только вчера вновь кричал он кому-то:
«Куда ты? Сюда, слышишь, Волков! Вперёд!»
То бурлила пред ним в очертаниях смутно
Речушка под Прагой который уж год.

Ничего не сказал про бойцов в эшелонах,
Что стали в мгновение пеклом огня.
И про тех не сказал, про безусых, зелёных,
Что в Дрезден вошли в дымном порохе дня.

А другой ветеран, что сидел с отцом рядом,
Рассказывал бойко про свой пулемёт,
Как в боях, разорвавших кольцо Сталинграда.
Врагов он косил прямую и влёт.

А отец мой молчал. Ничего не сказавши,
Опять сталинградец – отец мой молчал.
Он молчал о войне, что, проклятием ставши,
Полвека терзает его по ночам.

Он молчал, как душа чуть прикрытою раной
Болит всё о тех, кто давно уж убит...
А сегодня отец мой среди ветеранов
На праздник Победы в коляске спешит.

И он свой среди тех, уж давно поседевших
И вставших давно уже на костыли,
О войне рассказать столько лет не сумевших –
Они до сих пор слов таких не нашли!

Но когда же они, снявши старые шляпы,
Пред Вечным Огнём молчаливо стоят,
Своим скорбным молчанием тем наши папы
О войне так пронзительно всем говорят.

1995 г.

НА ТОЙ ВОЙНЕ

Хочу сказать – на той войне
Я не сидела, спрятавшись в окопе.
Я первой шла перед атакой. В тишине
Неся свой кабель на плече. А копы

Орудий наших целились уже.
И вот, услышав знак мой тайный,
Огнём на дальнем вражьем рубеже
Всё рушили они до основания.

Хочу сказать – на той войне
Ведь это я, когда туманы стыли,
Переплывала реки, а по мне
Прожектора зелёные чертили,

Чтоб я свой кабель не смогла
Доставить к берегу другому.
А пули цокали вослед. Лишь мгла
В ночи меня спасала от разгрома.

Хочу сказать – на той войне
Дошла пешком я от Москвы до Праги.
Когда комбат вручал медали мне
За мужество связиста и отвагу,

Стояла я в строю солдатском том
Отцом моим, готовым к бою.
Я на войне была моим отцом,
Чтобы сегодня быть самой собою.

1995 г.

БАЛЛАДА О САПЁРЕ

Посвящается памяти сержанта Татарова Петра Гавриловича, моего дяди. Через 40 лет после войны через газету «Красная Звезда» его родных нашли 2 ордена: орден Красной Звезды и орден Отечественной войны I степени. Сапёр 309-ой Пирятинской дивизии Татаров получить их не успел – он погиб при разминировании парома под г. Сарны в 1944 году.

А сапёр ошибается только лишь раз –
Такая вот истина эта простая.
Материнские слёзы катились из глаз,
Печать на казённом письме орошая.

Мать держала бумагу печальную ту,
Всем телом дрожала, её вновь читая.
Ей до города Сарны, на ту высоту,
Уже не дойти, плача и причитая.

И тогда в очаге развела мать огонь,
В огонь тот бросая всю лучшую пищу,
Накормить чтобы сына, где ни был бы он,
С руки материнской под отчею крышей.

Чтоб в пути не блуждала сыновья душа,
Домой возвращаясь с проклятой дороги!
Мать с надеждой смотрела в огонь, не дыша:
– О, сын! О, вернись же к родному порогу!

А сапёр ошибается только лишь раз –
Такая вот истина эта простая.
В отчем доме, травинками к небу стремясь,
Дочь с сыном его без отца подрастали.

Годы шли чередой. Седина на виске.
Отцовских тапхачов немало уж спето.
А отец одиноко лежал вдалеке,
В солдатской могиле, затерянной где-то.

Но героев своих не забыла война.
Спустя сорок лет Николаю с Марией
В сельском клубе вручал военком ордена,
Отцом не полученные в этом мире.

Вот они, что в году затерялись лихом,
Легли на ладони, что вдруг задрожали –
Словно душу отца им вручил военком,
Которую с детства они долго ждали.

Затерявшись в горниле военных тех лет,
Она засветилась теперь орденами.
И сказала Мария: «Как жаль, мамы нет!
Нет мамы сегодня здесь с нами!»

Три десятка оплаканных вдовьих годов
Ждала наша мама отца непрестанно.
От бед оградив, берегла отчий кров,
Кормила отца каждый день неустанно.

Путру, ставя завтрак пред нами, она
Отцу, налив чая, клала ломоть хлеба!
На заре мать молилась богине Огня,
А в полдень молилась великому Небу.

И в молитвах просила вернуть нам отца,
Ей мужа просила вернуть с того света.
Его имя шептала она у земного конца,
Свой взор не сводя с дорогого портрета!»

Говорила Мария, сглотнув в горле ком –
И плакали люди, слова слыша эти.
Тихо с места поднялся седой военком –
Поднялся весь зал перед памятью светлой.

А сапёр ошибается только лишь раз –
Такая вот истина эта простая.
У серванта на цыпочки приподнялась
Уж правнучка, те ордена доставая.

И, достав из шкатулки заветной Звезду,
Натёрла её белой ваткой до блеска.
В роковом том, уж всеми забытом году
Шатнулся паром от зловещего плеска.

И взметнулись до неба в дыму и огне
В тот миг роковой танки, люди и кони.
Рухнул столб водяной, вырыв яму на дне,
Сокрыв в ней и скрежет, и крики, и стоны.

«Переправу очистить от мин! – был приказ
– Дивизии танков идут в наступленье!»
Сели в лодки сапёры – и в этот же час
Они приступили к его выполнению.

• • •

А сапёр ошибается только лишь раз –
Такая вот истина эта простая.
Вот, порошею снежной над миром кружась,
Старый век в поднебесье растаял.

И на лунной ладье новый век выплывал,
Крылом серебристым на небе мерцая.
Новый Кремль давно своё слово сказал,
Звезду на груди у страны отрицая.

Но горит та звезда на могилах отцов,
Домой не вернувшихся в том сорок пятом.
Запеклась в той звезде миллионов тех кровь,
Кто был на войне этой давней солдатом.

Орден Красной Звезды, что вручал военком,
В шкатулке лежит красным слитком металла.
А той миной, едва не сгубившей паром,
Сапёрский бушлат на куски разметало.

К обелискам священным идущих ряды
Седых ветеранов всё больше редеют.
К ним уж правнуки возлагают цветы,
На солнце они, словно кровь, ярко рдеют.

Но меняются вновь на трибунах вожди,
Во власти которых сегодня полмира.
А сапёр говорил: «Я вернусь, только жди!
А будет козь дочь, имя дашь ей Мария!»

1985 г.

ОТМЕТИНЫ НА ДВЕРИ

Посвящается моему деду – Татарову Гаврилу Кузьмичу, который проводил на фронт двоих сыновей, Кирилас и Петра, ставших на войне связистом и сапёром. За ратные дела оба сына были награждены орденом Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

При тусклом свете старой керосинки
Читал он письма – весточки с фронтов.
На предвоенных только фотоснимках,
Как прежде, юны лица двух его сынов.

А с тех, случайно снятых на привале,
Где за спиною опалённые кусты,
Глядят глаза, в которых тень печали
Уж проступает сквозь знакомые черты.

Ведь им не раз увидеть доводилось
Тела разорванных бомбёжками людей,
Не раз им меж боями скупно снились
Родные перелески меж полей.

Скупы их письма. Руки их привыкли
К работе с минами и кабель пролагать.
О, мог ли знать отец – среди всех реликвий
Отметинам на двери первыми уж стать.

Ведь в день прощанья, встав у двери,
Когда за отчий им шагнуть порог,
Он сыновьям их рост, спеша, измерил
В предчувствии военных судеб и дорог.

Теперь зарубки гладил он украдкой,
Как головы сынов, что тормозил с утра,
И в дни кровавой битвы Сталинградской,
И в дни великой переправы у Днепра.

Он гладил их украдкой скупоежно,
Делясь как будто с ними силою своей,
Под канонады Курского сраженья,
Под всполохи варшавских всех огней.

Чтоб под руками, что привыкли к плугу,
Привыкли поправлять подпругу у коня,
Отметины на двери властно и упруго
Забились венами сыновнего виска...

Война – война! О, как же всё не просто!
Как мало тех, вернувшихся назад!
Теперь сыны незримо выше ростом –
От орденов, высоких боевых наград!

1998 г.

ОБУВНОЙ МАГАЗИН

Примета времени – превращение квартир первого этажа в офисы и магазины. И тогда жизни целых семей и человеческие судьбы бесследно растворяются за яркой неоновой рекламой.

Сегодня я всё же решусь и зайду,
Я в тот магазин всё ж зайду по дороге –
У стен в нашей детской у всех на виду
Модельные туфли стоят от порога.

Ажурные полки наверх к потолку
Взметнулись, блестя сапогами –
Учтён каждый метр, что не на бегу
Разумно оплачен чужими рублями.

Рекламой мерцает в углу том неон,
В котором играл Полонез наш «Саратов».
Народ кассу там обступил с двух сторон,
Где шахматный столик стоял наш когда-то.

Красотка с кошачьим изгибом спины,
Тремя лоскутками прикрыв себя смело,
В египетских сабо глядит со стены –
Там с детства моя карта мира висела.

Серебряный обруч под нею стоял,
Чернели гантели на коврикe нашем –
Теперь же в кругу золочёных зеркал
Там стенд итальянскою замшей украшен.

Теперь уж отцовский давно кабинет
Турецкою кожей пропах привозною.
Там больше в ночи дорогой силуэт
К столу не склонится под лампой зелёной.

И жёлтые шторы на окнах родных
Никто не задвинет, шумя, в нашем зале.
Наш тополь за ними вдруг снова притих,
Когда я ему вновь рукой помахала.

Как будто мы все дома вновь собрались
За шумным столом в день Девятого мая.
И брат, и сестра из могил поднялись
И тост говорят, папу вновь поздравляя.

И дед наш вернулся, оставив свой гроб,
Родители встали, звеня орденами.
О, время, постой, все они ныне чтоб
Не исчезли за теми чужими рублями.

О, время, верни же мне их голоса,
Их за обувными не скрыв стеллажами,
Где шпильки и бархатные чудеса
Парят в невесомости меж этажами.

Где чеки царят, и царят где счета –
Там детские сны снились всем нам когда-то.
Там с чистого всё начиналось листа –
Все суффиксы, игреки и аттестаты.

Рождались там первые робко мечты –
Туда возвращались мы с первой дороги.
Там братья невестам дарили цветы –
И внуки впервые прочли свои слогии...

О, время, замедли стремительный бег,
Порог чтобы я ощутила вновь отчий!
Но сотовый новый коммерческий век
Мне звонит уже, жизнь другую пророча!

2003 г.

ВОИНСКИЙ МЕМОРИАЛ

Двухтысячный – с тремя нолями год
Тысячелетье новое встречал.
И городом торжественно в тот год
Открыт был воинский Мемориал.

Двухтысячный – с тремя нолями год,
С победы той полвека отсчитал.
И скорбный памятник в тот год
Поставлен был на пьедестал.

Двухтысячный – с тремя нолями год
Для папы нашего последним стал.
И в стужу зимнюю тот горький год
Его унёс на воинский Мемориал.

Двухтысячный – с тремя нолями год
Всех обелисков начинает ряд.
Он продолжает их печальный счёт
Из-за ажурных низеньких оград.

Двухтысячный – с тремя нолями год,
Забрав у воинов медали-ордена,
Теперь всем ветеранам выдаёт
На вечные квартиры ордера.

2004 г.

Испытание жизнью

ПОБУДКУ ИГРАЮЩИЙ ГОРН¹

В это утро меня вдруг разбудит
Нам побудку играющий горн.
Интернатские то наши будни
Вновь качают ладони времён.

И опять наши школьные песни
В моём сердце сегодня звучат.
Это годы, вновь накуролесив,
Откатили как будто назад.

Вот они переливистым свистом
На футбол зазывают ребят.
Вот картошку, дурачась, мы чистим,
По столовой дежуря опять.

А вот хохот опять в хлеборезке –
Мина смеха там вдруг взорвалась.
А вот вновь очаровано сердце
Полонезом, зовущим на вальс.

То любовь моя первая светом
Юных лет озаряет тот вальс,
Проступив в этот миг силуэтом
До сих пор дорогих сердцу глаз.

¹ В Хакасской областной национальной средней школе воспитанники жили в интернате. По утрам побудку играли горнисты. Автор стихотворения о ХОНСШ В. Татарова – выпускница этой школы 1969 года.

И журчит само время рекою,
Вдоль которой палатки стоят.
В небе тёмном ночью порою
Под баян с нами звёзды грустят.

А мы слушаем – ухают совы,
До зари у костра мы не спим.
И о тайнах галактик мы снова –
О тех звёздах всю ночь говорим.

Что им, вечным, летящее время?
Им светить и сквозь марево лет.
А я слышу, как юное племя
Сочиняет походный куплет.

Тот куплет отзвучит – отпоётся,
И заменит его гибкий твист.
Будут мальчики снова бороться
Под судейский и тренерский свист.

Возликуют девчонки, встречая
Вolleyбольный победный свой балл.
И всех нас, вновь огнями блистая,
Увлечёт школьный наш карнавал.

И мальчишки – борцы и боксёры –
Лебединый начнут пируэт.
Бородатые маски вдруг хором
Споют нежно пиратский сонет.

И вот-вот той весёлой гурьбою
Мы разрежем победный наш торт.
И всех нас – балерин и ковбоев –
Сесть за парты звонок позовёт.

И вот-вот та задача решится –
Долгожданный сойдётся ответ!
Но порхнул серебристою птицей
Наш последний звонок всё ж на свет!

И вот вижу себя на рассвете,
Я растерянный вижу весь класс –
В это утро, закончившись, детство
Жизни взрослой вручало всех нас.

На широком крыльце мы стояли
Перед тою незримой чертой –
За ней каждого жизнь ожидала
Лишь своя со своей высотой.

Мы тогда были все очень юны,
И все верили в жизнь, как в прибой.
Нам казалось, волной всё же сдует
Неудач и ошибок всех боль.

Мы тогда были все очень чисты,
Только с белого начав листа.
Нам казалось, победная пристань
Будет нами без ила взята.

Мы тогда были все очень смелы,
И шагнули вперед за черту.
Нам казалось, минует всё ж мели
Белый лайнер, везущий мечту.

В это утро меня вдруг разбудит
Горн, играющий всем нам подъём.
Четверть века теперь уже будет,
Без него как мы все уж встаём.

Но в сердцах всё звучит он утрами,
Нас сегодня по жизни ведя.
Он, побудку играя, вновь с нами
На рассвете и нового дня.

1994 г.

ШКОЛЬНЫЙ КАРНАВАЛ

Посвящается 10 «б» –
выпуск 1969 г.

Не забыть мне тот весёлый
Новогодний карнавал –
Разноцветными огнями
Он искрился и сверкал.

Конфетти волной взлетали
И струились с потолка –
Школа вся плясала-пела,
Не жалея каблучка.

Вот диговинные маски,
Вставши в яркий хоровод.
Закружили, словно в сказке,
Весь наряженный народ.

И роскошные блистали
Средь снегурок платья фей,
Волоса цыганок рдели
Пышным цветом орхидей.

Шпаги длинные мешали
В хороводе танцевать
Мушкетёрам и пиратам,
И ковбоям, вставшим в ряд.

И скафандры поснимали
Космонавт и водолаз,
Черепахи танцевали,
Показавши прыти класс.

А когда маэстро школьный,
Натянувши чёрный фрак,
За рояль уселся строгий,
Взявши с ходу первый такт,

Все на миг притихли в зале,
Балерин чтоб рассмотреть,
Что на сцену выплывали
На воздушный свой балет.

По-лебяжьи грациозны
Были лебеди в тот миг –
Очень строгим и серьёзным
У танцующих был лик.

Но боксёрские взлетали
Пары крепких смуглых рук –
Мускулистые колена,
Сделав «па», смыкались в круг!

Мощно бицепсы играли
На плечах и талиях,
Наполняя своей силой
Лебединый каждый взмах!

Сорок первого размера
Были ножки балерин,
Что в пуантах заскользили
Очень дружно, как один.

В пышных юбочках изящных,
Были снега что белей,
В танце маленьких кружились
Они белых лебедей.

Им стремительные такты
Выдавал рояль без слов,
Закруживши в танце нежном
Всех боксёров и борцов.

Были так они серьёзны,
Так серьёзны все с лихвой –
Балерины с мощным торсом
И чубатой головой.

А пушинки, что взлетали,
Руки вытянувши вверх,
Всем приветственно махали
Под весёлый громкий смех.

А смех рос, переливался,
В волнах плавал вверх и вниз –
Миной хохота в том зале
Вдруг те всплески взорвались!

И от взрыва задрожали
Даже стёкла в зале том –
Утирали в столах-всхлипах
Слёзы смеха все кругом!..

Не забыть мне тот весёлый
Новогодний карнавал –
В этом хохоте животики
Как зал весь надрывал.

Наши мальчишки-боксёры.
Наши мальчишки-борцы
Уж давным-давно солидные
Все деды и отцы.

Их виски давно белеют
От пробившихся седин –
Но на встречи собирается
Весь класс наш, как один!

Так весёлый этот танец
Навсегда сдружил всех нас –
Дружбой этой горд поныне
Наш десятый лебединый класс!

1999 г.

ВАЛЬС СУДЬБЫ

Посвящается родной школе

У входа нас встретил улыбкой учитель,
Под указкой его оживала Земля.
Высокой Души – лучших Знаний обитель
Нас с любовью однажды к себе приняла.

И вот уж доказаны все теоремы,
Из-за парт поднялись мы, тетради закрыв.
Торжественным маршем встречало нас Время,
На экзамен Судьбы нам билеты вручив.

О, как мы в ту ночь до зари танцевали,
Милый сердцу ловя силуэт головы.
Всех нас до сих пор с того школьного бала
Наши годы всё кружат в том вальсе Судьбы.

И вслед нам любимый седой наш учитель
По-отечески строго сквозь годы глядит.
Высокой Души – лучших Знаний обитель
С благодарностью каждое сердце хранит.

Ты нашей любовью великою славься,
Горды мы тобой, что была ты и есть.
Поставит оценки нам Жизнь сама все
В журнале Судьбы в графах Совесть и Честь

2005 г.

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Кто мне бросит сегодня спасательный круг,
Чтобы выплыть из моря и лжи, и навета?
И чью помощь из чистых и верных я рук
Без оглядки приму в мире тусклого света?

В этом мире так ярко горел мой костёр,
Он задорно играл, был беспечно-искристым.
Высоко поднимаясь, кругом он простёр
Добрый свет своим пламенем чистым.

Разгораясь сильнее, он людям светил,
Не умея беречь ни тепла, ни горенья!
И так много порою растрачивал сил,
О дровах не заботясь со дня сотворенья.

Но его растоптал чей-то грязный сапог
И залил морем лжи, клеветы и навета.
Над тем морем стоит, не рассеявшись, смог,
Затмив солнце за завесой мутного света!

Я в том сумраке тихо плыву на закат,
Но дала уже течь одинокая лодка.
Неужели костру моему не зажечься опять,
Чтоб гореть уж задумчиво-кротко.

Неужели дано утонуть, если вдруг
Побеждают закаты, а вовсе не зори?
Кто мне бросит сегодня спасательный круг,
Чтобы всё же мне выплыть из этого моря?

Но когда я его из рук чистых приму,
Мой костёр уж не будет беспечно искриться.
Будет он в бережливом огне и дыму
Изнутри лишь углями седыми светиться.

2005 г.

ПРОСТИТЬ БЫ НЕДРУГА

Зло, содеянное с другим человеком,
в свой час возвратится стократ к себе.
(народная мудрость)

Друзья мои мне говорят порою.
Прости ты всё же недруга, прости.
Но музою моей рождённому герою –
Теперь уж нет обратного пути.

И нет назад дороги героине,
Рождённой ныне лирой всей моей.
То возвращение подобно героину –
Подобно яду сутью своей всей.

Но яд той лжи и клеветы, и злобы,
Вчера что недруг выплеснул в меня,
К нему же возвернутся завтра, чтобы
Лик истины восстал в зените дня.

А лик строки моей и чист, и ясен.
Хоть ей знакомы пепел и зола.
И мысли конь мой в поступи прекрасен –
В серебряном мерцании седла.

Но в нём плыву теперь я одиноко,
Лишённая собратьев по перу.
Я всех, словам поверивших жестоким,
Лишь только в равнодушии корю.

Им, в милости у недруга живущим,
Не испытавшим чёрной сети лжи,
Врачующим высоким слогом души –
Всё не до боли лишь одной души.

Ведь легче быть на свете всем удобным,
С улыбкою слащавой на устах.
Быть тем, у власти кто, всегда угодным –
Вот кредо жизни в их сердцах.

И стал порог мой ими вдруг презренным,
Презренным стал мой свет в окне.
А я, хоть тяготеею телом бренным –
По-прежнему гарцую на коне.

Простить бы всё же недруга однажды –
И жить в согласии с тем подлецом!
Но мне на свет уж не родиться дважды –
Рождённою не быть другим отцом.

И своего отца мне не предать вовеки –
Быть дочерью его дано судьбой.
Солдатом на войне, а в жизни Человеком –
Со злом он шёл всегда в открытый бой.

И пусть сегодня недруга проклятье
Меня чернит, трусливо затаясь.
Ему оно вернётся чёрной статью –
Так мудростью народной отзовясь.

2006 г.

ИСПЫТАНИЕ ЖИЗНЬЮ

С малых лет я сама нашу Маю доила,
Булки пышного хлеба привычно пекла.
Как жилось мне без мамы, того не забыла –
Испытанье сиротством уже я прошла.

Силой духа меня моя мать одарила,
Улыбаясь сквозь слёзы, она умерла.
Я полвека спешу к дорогой той могиле –
Испытание памятью я уж прошла.

С тихой грустью встречая весенние грозы,
Полевые цветы я с восторгом рвала.
Много раз мне дарили красивые розы –
Испытанье любовью я тоже прошла.

Золотые колосья взрастивши на ниве,
Благодарна судьбе, что детей мне дала.
В материнских заботах была я счастливой –
Испытанье уже материнством прошла.

И над белым листом я ночами склонялась,
Чтобы книга моя людям мудрость несла.
В ней герои живут, и любя, и печалась –
Испытанье я делом любимым прошла.

Но злословьем сменялись порою награды –
Я сквозь ту клевету плечи гордо несла.
По девятому кругу пройдя того ада,
Испытание злом я людским уж прошла.

Не склонить головы перед валом девятым
И под шквалом той лжи устоять помогла
Мне великая дружба – мужская по стати –
Испытание я дружбой верной прошла.

Ведь душою принять испытание жизнью
Завещала мне мать с рокового пути.
Остаётся теперь в час земной своей тризны
Испытание смертью достойно пройти!

2008 г.

ДИАЛОГ СО СМЕРТЬЮ

«Пережившие клиническую смерть перестают бояться смерти, но в них обостряется любовь к жизни».

(из книги Бетти Иди «Объятые светом»)

О, что ты есть, таинственная смерть?
Я говорю с тобой на языке,
Который нам одним с тобою ведом.
Вернувшись, я имею право сметь
Касаться волн в незримой той реке,
Которая струится следом.

О, что ты есть, таинственная смерть?
Тропинка жизни очень коротка,
Пред трассой вечности ничтожна.
Однажды очень просто умереть.
И буду я лежать – лицом строга,
Тропинки той земной достойна.

О, что ты есть, таинственная смерть?
За гранью грань и новая строка.
За той строкой – не бог, а совесть.
Из памяти людское зло стереть,
Развеяв на ветру, моя рука
Сумеет ли, уйти в твой мир готовясь?

О, что ты есть, таинственная смерть?
Не ты ли волны катишь по реке,
Под илом где на дне тысячелетья.
А жизнь моя – восходов круговерть,
Приречный луг в протянутой руке,
А на ладони – все соцветья.

О, что ты есть, таинственная смерть?
И в чём же ложь, в чём истина твоя?
Я пред тобою не скулю-не плачу.
Однажды очень просто умереть.
Смотрю я, мыслей ныне не тая,
В глаза твои, своих не пряча.

2000 г.

ПРОЩАЛЬНОЕ

О, вы, кто жаждал моего ухода
За свой порог в жестокий час –
Теперь нечистой совести в угоду
У гроба моего не стойте в этот час.

Лишь потому, что вы совсем иные
Средь тех, кто меня искренне любил –
Цветов, за ваши деньги покупные,
Не смейте класть у гробовых перил.

Ведь все слова, пронизанные ложью,
Ещё я слышу в свой последний час –
И если совесть вас ещё не гложет,
Она настигнет вас в бессонный час.

И потому вы лицемерным взглядом,
Улыбкою слащавой не томите всех –
Я всех, кто ныне смерти моей рады,
Ещё ведь вижу из-под строгих век.

И всё, что вы со мною сотворили,
Оклеветавши, оболгавши и предав,
Пусть остаётся вам с великим миром,
Навеки вашим бумерангом став.

Меня же пусть проводят в путь недлинный
Лишь те, кто горем искренне томим.
Они в тот день, наверное, дождливый,
Пусть помолчат над холмиком простым.

Не надо слов, напыщенных и пышных,
Парадных караулов, грустных панихид.
Тогда душа моя на суд всевышних
Легко и гордо над землею возлетит.

2005 г.

КОГДА УМИРАЕТ ПЕВЕЦ

Когда умирают зелёные травы,
То сохнут они, пожелтев на ветру.
Лишённым на жизнь великого права –
И листьям уже не звенеть поутру.

Когда умирает закатное солнце,
То гаснет оно, отдавая мир тьме.
Лишившись воды, умирает колодец –
Ему не ожить по студёной зиме.

Когда умирает певец этой жизни,
То лучшую песню поёт он свою.
И песня его в час торжественной тризны –
Как воин в последнем прощальном бою.

Тот воин сражался с печалью и смертью,
Воспевши в походах земных не клинки.
И вёл к тайникам он сокровищ несметных –
Там звоном хрустальным звенят родники.

Там травы не сохнут, не падают листья,
Не гаснет там солнце, неведома тьма.
Он жизнь рисовал изумрудною кистью –
И смерть от него отступала сама.

Поёт потому свою лучшую песню
Пред смертью своей этой жизни певец,
Чтоб песня его стала ныне бессмертна –
Как воин, надевший победный венец.

2004 г.

В НАЧАЛЕ ТРОПЫ

О жизнь моя, не спеши завершиться
Так скоро в осенней чреде грустных дней –
Не дай пожелтевшим листом вдруг забыться
В начале тропы, не прошедши по ней!

Из лона земли к солнцу всё же пробившись,
Дай к небу ладони свои протянуть –
Зерном не созревши, не заколосившись
В начале дождя мне не дай вдруг уснуть!

О, дай мне айрана ты вдоволь напиться,
Айрана бурлящего белого дня –
От жажды великой не дай истомиться
В начале рассвета, к закату идя!

О жизнь моя, не гарцуй в нетерпении,
Не рви так серебряные удила –
Не дай ты до скачек в азарте и пене
В начале забега упасть вдруг с седла!

Подняться мне дай в высоту свою смело
И вольною птицей по небу летать –
И жаворонку со звенящею трелью
В начале ты песни не дай замолчать!

О жизнь моя, не спеши завершиться
Так скоро в весёлой чреде вешних дней –
О, дай мне жарком в этом мире раскрыться
В начале тропы, преклоняясь пред ней!

1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вехи биографии и творчества	6
Моя звезда	6
В мой звездный час	7
В конце тоннеля	8
ЭРА ДОБРЫХ ЧУДЕС	
Теленок – утро	12
Лосенок – месяц	13
Настанет время	14
Эра добрых чудес	15
От высоты отдохнуть	17
Княгиня	18
Хар-хар, снежинка моя	19
Сегодня солнце	21
Первый снег	22
Всю ночь пишу	23
Рассвет апреля	24
Рассветный город	25
Наступила весна	26
Снова пух тополиный	27
Я листаю сегодня вечер	28
МОНИСТОВЫЙ ЗВОН	
Монистовый звон	30
Опять пробежали дожди	32
Отчего плачет грусть	33
Мне не быть	34
А плакать не буду я!	34
Осенний дождь	35
Судьбе навстречу	36
Вот сын уснул	37
Спит мальчик мой	38
Два времени судьбы	39
Отчего-то приснился	40
Прости меня	41
Маме	42
Моя кровинка – доченька моя	43
Однажды вдруг	45
Пора пришла	47
О родине малой моей	49
РОЗОВЫЕ ДИКИЕ КОСУЛИ	
В дороге на Парнас	52
Бросали горсть земли	54
Над горами Изыхскими снова рассвет	56
Слова	57
Упало яблоко	58

Устал мой конь	59
Моё время	60
Не виновата, не права	61
Посвящение другу	62
Розовые дикие косули	63
Гляжусь я в зеркало	64
В эту лунную ночь	65
Отчего земля	66
Чи вы, кони, чьи?	67
Весенние токуют глухари	68
Вновь июньским пухом тополиным	69
Мой календарь	70
СЕРЕБРЯНЫЕ СЕРЬГИ	
А разве может быть иначе	72
Великая роскошь любви	73
Я почку растерла	74
Остров первой любви	75
Как давно все было	77
Разжег костер	79
Мой год летучего дракона	80
Коварство любви	81
Тебя я спасу	83
Клинок измены	84
О, как же истина страшна	85
Ночь за окнами	86
Зачем звонишь	87
Не любил ты меня	89
Танго осени	90
То плачут травы	91
Судьбе не все угодно	93
Русло пустоты	94
Сожжены все мосты	95
Серебряные серьги	97
Я у памяти вовсе не раб	98
Зову тебя	99
Недоплаканная слеза	100
О печальной луне однобокой	101
Не плачьте, стихи мои	103
Разговор с овчаркой по имени Верный	104
Прости за все	105
Ты станешь рекой	106
Расскажи мне о том	107
Сидели молча рядом	108
Ушел	109
Мы все еще живы	110
А снег всё шёл	111
И еще одно утро	112
В который раз пишу	113

Мазстро с именем Тамара	114
О, есть в моем сердце	116
ОТЦОВСКАЯ КРОВЬ	
Отцовская кровь	118
Отец мой строг	119
Накануне Девятого Мая	120
На той войне	123
Баллада о сапере	124
Отметины на двери	128
Обувной магазин	130
ИСПЫТАНИЕ ЖИЗНЬЮ	
Побудку играющий горн	134
Школьный карнавал	138
Вальс судьбы	142
Спасательный круг	143
Простить бы недруга	145
Испытание жизнью	147
Диалог со смертью	149
Прощальное	151
Когда умирает певец	152
В начале тропы	153

Валентина **ТАТАРОВА**

СЕРЕБРЯНЫЕ СЕРЬГИ

Редактор Чезыбаев Е.В.

Компьютерное обеспечение: Топоева Л.Г.

Подписано в печать 24.10.2008. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печ. л. 9,5. Тираж 200 экз.

Хакасское книжное издательство,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н

808513 - К/О

84(2Рос.Хак)6-5

Т-23

Татарова, В.К.

Серебряные серьги

2008. - 156 с.

84.93

М. И. Майнашева

